

ПЕРЕПИСКА С В. М. ЧЕРНОВЫМ

Вступительная статья, публикация и комментарии
И. И. Вайнберга

В литературной биографии Горького особое место занимают последние годы каприйского периода, отмеченные острой и напряженной борьбой писателя за боевую, жизнеутверждающую, демократическую литературу. Эту борьбу в тяжелых условиях роста общественного индифферентизма, идейного разброда и политического ренегатства, начавшегося после поражения первой русской революции, Горький вел и как художник, и как публицист, и как общественный деятель, организатор литературы, демократических органов печати.

Особенно трудно и драматически сложно складывалась в то время литературно-организаторская, журналистско-издательская деятельность Горького. Все эти годы (1910—1912) писатель упорно пытался создать новое книгоиздательство, демократический общественно-литературный журнал, дешевую демократическую газету. Не жалея времени и сил, в ущерб собственной литературной работе, он с присущей ему энергией разворачивает интенсивную деятельность по организации социалистической и общедемократической печати, которая бы объединила прогрессивные силы страны. Но одни его начинания так и не выходят за пределы замыслов — на осуществление их он не может найти ни издателей, ни средств, другие, — с которыми он связывает свое имя, очень скоро обнаруживают свою несостоятельность, с третьими, — не оправдавшими его надежд, он вынужден порвать из-за литературных и идейных расхождений.

Эти усилия Горького, его литературно-издательская работа и связанные с нею поиски и надежды, сомнения и разочарования отчетливо раскрываются в публикуемой здесь переписке писателя с Черновым. Проблематикой и кругом своих тем она входит составной частью в огромную переписку Горького той поры, ярко отражающую многотрудную деятельность его по созданию общедемократической, прогрессивной печати.

Виктор Михайлович Чернов (1873—1952) — один из основателей партии эсеров, член ее ЦК. В революционном движении участвовал с конца 1880-х годов. В 1892—1894 гг. учился в Московском университете. В 1894 г. был арестован по делу партии «Народное право» и выслан на три года в Тамбовскую губернию. В 1899 г. уехал за границу, возглавлял заграничную организацию социалистов-революционеров, был главным теоретиком партии, автором ее программы и редактором центрального органа эсеров — газеты «Революционная Россия». Для взглядов Чернова характерно эклектическое смешение идей народнического социализма, теории и практики народовольчества и европейского оппортунизма (ревизионизм, бернштейнианство). В политике представлял левое крыло мелкобуржуазной демократии.

В. И. Ленин называл Чернова «самым „левым“ народником» и причислял к тем «краснобаям», которые «хотят лечить социализм полным отречением от его единственной общественно-исторической основы, классовой борьбы пролетариата, и окончательным разбавлением марксизма филистерской, интеллигентски-народнической водичей»¹.

После разоблачения в 1908 г. одного из руководителей партии эсеров Азефа как провокатора Чернов, долгое время упорно защищавший его и вследствие этого разошедшийся с Центральным комитетом своей партии (деморализованная, она фактически распалась на отдельные организации), на время отошел от активной партийной деятельности и занялся исключительно литературной работой, главным образом в журналах «Современник» и «Заветы».

В годы первой мировой войны в отличие от большинства лидеров эсеров, за-

нявших социал-шовинистические позиции, Чернов, хотя и не последовательно, выступал как интернационалист, участвовал в Циммервальдской и Кинтальской конференциях. После Февральской революции вернулся в Россию, в 1917 г. — министр земледелия в первом и втором составах коалиционного Временного правительства. Октябрьскую революцию встретил враждебно, в январе 1918 г. был председателем Учредительного собрания, принимая активное участие в организации выступлений против Советской власти. С 1920 г. находился в эмиграции. Во время второй мировой войны — участник движения Сопротивления во Франции², позднее жил в США. Помимо статей в газетах и журналах и вышедших в разное время книг и брошюр за границей, были изданы воспоминания Чернова: «Записки социалиста-революционера» (1922, т. 1), «Перед бурей» (1953) и др.

Видимо, по поводу первой из этих книг, познакомившись с нею еще в рукописи, Горький писал 26 июня 1920 г. Ленину: «...произведение В. Чернова хотя и рисует его отчаянным болтуном и хвастуном, но изобилует очень ценными фактами и дает достаточно ясное представление о жизни эпохи»³. А в своей рецензии, приложенной к этому письму, Горький дал более подробную оценку книги: «Это — автобиография (...) Несмотря на неприятно хвастливый тон по отношению к себе самому и назойливое подчеркивание своих талантов — научной эрудиции, политической прозорливости и т. д., — Чернов дает в этой рукописи множество интересных сведений о росте революционной мысли в 80-х годах, о быте остатков народолюбчества, о жизни молодежи того времени, о приемах пропаганды в деревне, особенно интересны страницы, посвященные спорам народников с представителями возникшего в то время марксизма, ибо — несмотря на известную диалектическую ловкость автора — споры эти убедительно вскрывают политическую несостоятельность и внутреннюю дряблость народничества. Интересны встречи и беседы автора с такими людьми, как М. Натансон, Н. К. Михайловский и др.» И, рекомендуя рукопись к изданию, Горький заключал: «В общем книга Чернова является ценным — фактически — материалом для ознакомления с историей роста революционной мысли в эпоху 80—90-х годов и для современной молодежи, совершенно незнакомой с прошлым, будет очень полезная»⁴.

Вскоре Горький вновь встретился с Черновым как с автором. В январе 1923 г. он получил на заключение от Б. И. Николаевского — одного из основателей в Берлине журнала «Летопись революции» и одноименной издательской серии мемуаров — рукопись Чернова (Горький называет ее «За(иски) революционера»; по-видимому, это был очерк «За фронтом Учредительного собрания», объявленный во втором номере журнала). Ознакомившись с рукописью, он писал Николаевскому: «Органический, неисправимый недостаток автора — многословие. У него нет ни одной мысли, которая не была бы загружена словами, задавлена ими. Человек осторожный, он хитрит довольно наивно, полагая, видимо, что лишние слова могут придать изложению внешнюю объективность, скрыть от читателя противоречия фактов и мысли. Но ум, односторонне развитой, он не умеет скрыть тенденций, излюбленных им с достаточной ловкостью.

Как история — его воспоминания не солидны, но, конечно, они имеют весьма значительный интерес для характеристики самого автора как лидера партии и Председателя Учр(едительного) собр(ания).

Сокращать его писания необходимо по отдельным словам, а таких слов на каждой странице найдется строк 15—20».

Приведя примеры и соответствующие страницы сокращений, Горький заключал: «В общем же — на мой взгляд — все это будет прочитано не без интереса и вызовет по адресу автора множество нападков и ругани и справа и слева. Но — это едва ли увлечет „широкую публику“, ибо — боюсь — покажется ей скучным»⁵.

Личные контакты и знакомство Горького с Черновым относятся к периоду его участия в журналах «Современник» и «Заветы».

Вопрос о привлечении Чернова к работе в «Современнике» возник весной 1911 г., когда Горький занялся реорганизацией журнала. В апреле 1911 г. писатель встретился с Черновым в Шатильоне, под Парижем, на квартире Е. П. Пешковой, где и было достигнуто соглашение о его участии в редакции «Современника» (см.

в наст. томе сообщение Л. С. Пустильник «Журнал „Современник“ по документам Департамента полиции»).

Горький никогда не разделял утопических теорий эсеров, критически относился к их авантюристической тактике индивидуального террора. Но, учитывая, что эсеры участвуют в общенародной борьбе против царизма, считал возможным при определенных условиях сотрудничество с ними.

В то же время обращение Горького к «Современнику», возглавляемому Амфитеатровым, было вынужденным в связи с тем, что планы создания социалистической печати не увенчались успехом. Дав согласие на участие в «Современнике», Горький надеялся через него хотя бы отчасти осуществить свои идеи объединения демократии. Но, не считая Амфитеатрова способным единолично вести «Современник», недовольный его расплывчатой программой, Горький попытался создать коллективное руководство журналом. С этой целью в мае 1911 г. в редакционный совет и были введены Чернов и В. С. Миролюбов.

Однако идея «демократического блока», вдохновителем которого был Горький, оказалась неосуществимой. Очень скоро обнаружилось разногласия Чернова с Водовозовым (см., напр., п. 3) и особенно — Амфитеатрова с Миролюбовым, о чем писал Чернов Горькому уже в конце мая 1911 г. (п. 2). Постепенно противоречия внутри редакции все более обострялись, к тому же члены ее были разобщены даже территориально, что также мешало нормальной работе журнала. Амфитеатров, договорившись с приехавшим в Париж Певиным, решил отказаться от коллективного руководства и снова взять журнал «всецело в свои руки» (подробнее см.: А—Г, п. от 1 ноября 1911 г.).

Таким образом, опыт совместного руководства продлился недолго, «союзная редакция» распалась, просуществовав всего полгода. 29 октября/11 ноября 1911 г. Горький писал Е. П. Пешковой: «Далее — „инцидент“ с „Современником“: Амф(итеатров) желает вести его единолично, сам, своими талантами. Чернов и Миролюбов уходят, я, конечно, тоже»⁶.

Чернов с недоумением писал Горькому по поводу «диктата» Амфитеатрова (п. 5); очень был удивлен «этим развалом, и вредным, и несвоевременным», и сам Горький. Но он был поставлен перед совершившимся фактом, и это «небрежное отношение» к нему также глубоко огорчило его, хотя Амфитеатров всячески пытался объяснить мотивы своих действий. То он писал, что, по его убеждению, принцип «коллективного управления журналом» является «фиктивным», «недействительным», то ставил в известность, что «уходит в отставку» и предлагает Горькому возглавить «Современник» вместе с Черновым и Миролюбовым, то, объясняясь Горькому в любви, сожалел, что остается непонятым и поэтому вынужден работать в гордом одиночестве (см.: А—Г, п. от 9 и 14 ноября 1911 г.).

Попытку предотвратить этот «развал» предприняла Е. П. Пешкова. В эти дни (не ранее 18 ноября/1 декабря 1911 г.) она писала Горькому из Парижа, побуждая его примирить Чернова с Амфитеатровым: «Был у меня к(а)к-то Чернов. О тебе рассказывал. Рассказал историю с „Совр(еменником)“. По всему, что от него и от Амф(итеатрова) об этом инциденте слышала, думаю, что оба они неправы. И, думаю, тебе, ты бы мог свести снова Черн. с Амф. Ведь расхождение Амф. с Черн. плохо для них обоих. Черн. мечтает о своем журнале, но, б. м., этот „свой“ журнал лишь в мечтах и останется. А тут уже есть журнал, где можно работать и надо лишь выработать точные условия прав и обязанностей участников. Для Амф. же уход тебя и Черн. ясно невыгоден. Ведь некрасиво было бы на место Черн. привлечь лидера другого направления, а без имени, с которым ассоциировалось бы известное направление мысли, — неудобно к(а)к-то быть журналу. О невыгодности же потери тебя уж я и не говорю. Так что, мне кажется, все данные налицо, чтобы выработать с Амф. условия, при кот(орых) могла бы быть возобновлена работа.

Через день после того, к(а)к был у меня Чернов, получаю письмо от Илл(ар)а Вл(адимирова), где она, объясняя инцид(ент) с «Совр.», говорит, что все произошло из-за Миrol(юбова), с кот(орым) А. В. (Амфитеатрову) трудно было вместе

работать и за которого вступился Черн. (...) Мне кажется, что, к(а)к и всегда во всех инцидентах, — тут много непонятного др(уг) у друга и неверного (...)

Так что, думаю, что если ты захочешь вмешаться, все данные налицо для возобновления совместн(ой) работы» (АГ).

Однако Е. П. Пешкова недооценивала, насколько далеко зашел раскол «блока», и не только из-за деловых разногласий, но и в силу амбициозных столкновений, борьбы самолюбий, сыгравших во всем этом немаловажную роль. «Нет, примирить — нельзя, я пробовал», — ответил ей Горький (ноябрь после 21/декабрь после 14 1911 г.) И далее писатель дает суровую критическую оценку всем членам редакции, их личным качествам и способностям, их стремлению к «вождизму», с горечью констатируя то, что у него давно наболело, но о чем он воздерживался говорить, до самого конца надеясь, что «журнал наладится»:

«Гг. А. Б. В. — и т. д. — весь алфавит — люди не столько талантливые, сколько самолюбивые; их главнейшее стремление — выскочить вперед, на позиции „вождей“ общественного мнения. Их отношения друг к другу — отношение лихачей-кучеров: катать вперед во всю мочь и во что бы то ни стало дави встречных, опрокидывай друг друга — лишь бы обогнать! Их лошадки — их дарованьица: они нахлестывают свои талантики безжалостно, кормят их не овсом серьезных знаний, а газетной трухой и быстро истощают. Очень жалкий народ».

«Наиболее потерпевшим и материально и морально в этой истории — являюсь я, — заканчивает Горький. — Обе стороны относились ко мне так небрежно, как только могут»⁷.

Таким образом, это «небрежное отношение» к себе Горький увидел не только в поведении Амфитеатрова, но и в репительных действиях Чернова и Миролюбова, которые тоже поставили его перед совершившимся фактом. Тем не менее по отношению к «диктату» Амфитеатрова он солидаризировался с ними.

Вместе с этими явными, было много и других, скрытых факторов, приведших «Современник» к кризису, а Горького — к выходу из журнала. Принимая участие в «Современнике» и оказывая ему всемерную помощь, Горький имел основание быть недовольным работой редакции. Излишним он считал публикацию «манифеста», написанного Черновым, полагая, что «смешно» повторяться, ибо в январском номере один манифест уже был напечатан. Горький считал, что нужны не слова, а дела, и предупреждал: «Зададут вам за них, если вы не поспеете оправдать заявлений ваших громогласных...» (Г—А, п. 4 или 5 сентября 1911 г.). Не выполнены были настойчивые напоминания Горького, что «надо строить дело на молодых, новых силах». Неудовлетворен был Горький и работой Чернова, на которого возлагал надежды реорганизовать критический и общественно-политический отделы «Современника». Сам Чернов впервые выступил в журнале в роли литературного критика, напечатав статью о романе З. Гиппиус «Чертova кукла», одобренную Амфитеатровым. Дважды Чернов интересовался мнением Горького об этом первом своем критическом опыте, но ответа так и не получил, что вряд ли было случайно. Никак не откликнулся Горький и на статью Чернова по поводу книжки А. Морского о Витте, вызвавшую полемику в марксистской печати (п. 3, прим. 8). Даже по признанию Амфитеатрова, статья Чернова о С. Т. Семенове (А—Г, п. от 19 мая 1911 г.) была написана «средне». С иронией, не понятой Амфитеатровым, Горький писал ему, прочитав июльскую книжку «Современника»: «Рад (...) Михайловым, Романовым, Антоновым, Тараканово-Тимофеевым и Вечевым (Вечев — псевдоним Чернова) — ура!» (Г—А, п. от 4 или 5 сентября 1911 г.). В этом же письме Горький предложил Чернову «заняться» Гершензоном, а Амфитеатрову — Шестовым. «Сии двое очень достойны внимания вредоносностью своей, особенно Шестов», — писал Горький, подчеркивая, что оправдать громогласные манифесты можно «хотя бы критикой шестовского нигилизма и гершензоновского идеализма».

Словом, Горький расходился с обеими сторонами в понимании целей и задач современного журнала.

О тяжелом положении, в котором оказался Горький, уйдя из «Современника», помимо уже приведенных фактов, свидетельствует также более позднее (от 3/16 января 1912 г.) его признание Е. П. Пешковой: «Я принужден работать в журналах,

что мне очень не по душе. Да и — негде работать! Буду, вероятно, печататься в „Современном мире“ и „Вестнике Европы“ — подумай — в „Вестнике Европы“! „Русское богатство“ — кладбище, все остальное — жульничество, вроде „Русской мысли“»⁸.

Но организовать «свой» журнал или «свою» газету Горькому не удастся из-за отсутствия средств, хотя он продолжает вести усиленные переговоры по этому вопросу с рядом лиц и издателей. Вскоре после «инцидента» в редакции «Современника», 7 или 8 ноября 1911 г., Чернов приехал к Горькому на Капри для обсуждения создавшегося положения. Вероятно, при этой встрече возникла идея создания нового журнала, и тотчас же Чернов и Миролюбов начали энергичную работу по организации материально-финансовой базы собственного издания, получившего затем название «Заветы». Не имея никаких других издательских перспектив в данный момент, Горький решает поддержать черновское начинание.

Вместе с тем обращает на себя внимание двойственное отношение Горького к редактору нового журнала. С одной стороны, он возлагает на него «большие надежды», ценит его талант и способности организатора (см. п. 15), с другой — отчетливо видит слабость, ограниченность его как руководителя. В самый разгар переговоров о новом журнале, 29 октября/11 ноября 1911 г., Горький писал Е. П. Пешковой: «Третий или четвертый день живет у меня Чернов, разговариваем, ничего хорошего». И в тот же день, проводив его, в конце письма добавляет: «Он — не дурной, видимо, человек, и — даровит, а все-таки птица невысокого полета, не такие „руководители“ нужны теперь, не такие!»⁹.

Эту характеристику Горький повторил и в начале 20-х годов, в набросках к портрету Чернова: «Человек неширокого ума, детализатор, а не синтетик»¹⁰.

Надежды и сомнения Горького, связанные с журналом «Заветы», нашли отражение в его письме Е. П. Пешковой от 3/16 января 1912 г.: «Зачинаем новый журнал, — писал он, — (...) что выйдет — не знаю. Чернов — парень легкомысленный». Поэтому тут же добавляет: «Затеваю также другой журнал или периодические сборники, не в „Знании“, конечно»¹¹.

Сомнения не покидали Горького на протяжении всего организационного периода «Заветов», хотя он в трудное для него время и согласился принять участие в этом новом литературном начинании. 7/20 января 1912 г. он писал Д. Н. Овсяннику-Куликовскому: «Как попытка объединения литераторов всех народностей начинается журнал в России; что будет не знаю, многого — не жду» (XXIX, 214). Не закрывал Горький глаза и на то, какое направление получит журнал Чернова. «Написал небольшую повесть для нового с.-р. журнала, — сообщал он 12/25 января 1912 г. Е. П. Пешковой; — то-то будут меня лаять за участие в нем. Мне самому участие это не по душе (...)» Однако писатель надеется достигнуть своих собственные цели, и он тут же поясняет: «(...) но — м. б., удастся, хоть отчасти, осуществить мою мечту о создании общероссийского журнала, который ознакомил бы общеперспективную интеллигенцию друг с другом и культурной деятельностью всех племен государства. Пора; это — очень пора (...) если мы не найдем модуса для общекультурной деятельности в ближайшем будущем, — позднее бесконечное количество энергии уйдет на борьбу междуплеменную внутри государства»¹².

Надежды Горького на «Заветы» как на общедемократический российский журнал оказались неоправданными, но оправдались все его сомнения. «Журнал „Заветы“, — писал Ленин, — самый народнический, лево-народнический журнал с самим г. Черновым»¹³. В острой идейной и политической борьбе того времени, выступая против всех видов оппортунизма, ликвидаторства, бойкотизма, Ленин беспощадно критиковал и «Заветы», каждый отход Чернова от демократизма в сторону либерализма. Считая народническое и левонародническое движение главными вдохновителями «бойкотистских групп», Ленин отмечал, что «в эпоху контрреволюции» «виднейшие литераторы их направления скатывались к либеральным и ренегатским речам (г. В. Чернов в „Заветах“) и т. п.»¹⁴.

«Заветы» начали выходить в апреле 1912 г., руководимые Черновым и Миролюбовым; издавала журнал С. А. Иванчина-Писарева, официальным редактором считался П. П. Инфантьев. Мало того что в общественно-политическом отделе тон

задавали эсеровские публицисты (очень много печатался сам Чернов, помещая по несколько статей в номере, — например, в первом — их у него было пять), с первой же книги в «Заветах», несмотря на протест Горького, стал публиковаться роман В. Ропшина (Б. В. Савинкова) «То, чего не было. (Три брата)». Основанный на материале первой русской революции, роман этот объективно показал распад партии эсеров и крушение ее тактики индивидуального террора. Но в условиях нового революционного подъема он мог быть воспринят и воспринимался как ренегатский, дискредитирующий самоотверженную деятельность революционеров. К сочинению Ропшина полностью относится оценка, данная Горьким роману В. Винниченко «На весах жизни» (см.: Г—А, п. от 11 или 12 сентября 1911 г., прим. 2).

В. И. Ленин назвал романы Ропшина «Конь бледный», «То, чего не было» «позорными произведениями»¹⁵. Он ставил автора «Того, чего не было» и редактора, напечатавшего этот роман, на одну доску, называя Чернова революционером «вроде Ропшина»¹⁶ и отмечая «ликвидаторские речи» «гг. Савинкова-Ропшина и Чернова в „Заветах“»¹⁷. Во имя «объективности» на страницах самих же «Заветов» было помещено письмо в редакцию ряда эсеров левого течения во главе с М. А. Натансоном с протестом против романа Ропшина, и в этом же номере журнала редакция предоставила автору возможность выступить в защиту своего произведения во имя «свободы мысли и критики»¹⁸. В связи с этим Ленин писал Горькому 22 или 23 декабря 1912 г.: «Ведь это хуже всякого ликвидаторства, — ренегатство запутанное, трусливое, увертливое и тем не менее систематическое!»¹⁹.

Сотрудничество Горького с «Заветами», в сущности, не состоялось. Посланную в редакцию рукопись своей повести «Три дня» он потребовал вернуть. Участие его в журнале ограничилось публикацией одного единственного рассказа — «Рождение человека». «„Заветы“ — весьма огорчили меня, и я с ними больше не танцую. Так что — ограничимся одним па», — писал Горький 23 мая/15 июня 1912 г. М. М. Коцюбинскому (XXIX, 240). Бескомпромиссностью отличается его письмо Миролюбову этих же дней (26 мая/8 июня), объясняющее причины разрыва с «Заветами» невыполненными своих обязательств. «Да, Виктор Сергеевич, — писал Горький, — мне очень неприятно было видеть роман Ропшина в первой же книжке, я считаю, что, сделав это, Вы нарушили данное мне обещание. Мне кажется, что нарушено также и еще одно „обещание“ — не привлечены к сотрудничеству иноплемennые литераторы, о чем говорилось и с необходимостью чего Вы были согласны. Эти нарушения дают мне право считать и себя свободным от обещания сотрудничать в „Заветах“» (XXIX, 241—242).

Не изменил своего отношения к «Заветам» Горький и впоследствии. В середине лета он сообщал И. А. Бунину: «Я — свободен и могу отдать „Сказки“ в Ваше издательство (...) Из „Заветов“ я уже ушел, потому что Чернов и Миролюбов не исполнили ни одного из обещаний, данных мне, и поставленных мною условий сотрудничества не соблюли. Я думаю, что, если Чернов будет так много писать, как теперь пишет, — это плохо для журнала и затруднит его успех. Пока я не вижу с их стороны желанья придать журналу хоть немного оригинальности». И когда Бунин выразил сожаление в связи с тем, что Горький покинул «Заветы», Алексей Максимович вновь объяснил: «О „Заветах“ не жалеете, — книжка за книжкой все хуже. Слишком много Чернова, а он всегда неудачен. В четвертой рецензия о „Ночном разговоре“ (рассказ Бунина) с дрянными экивоками. Статья о Струве (Вечева—Чернова) — сомнительного достоинства. Роман Ропшина — в непримиримом противоречии с каждой страницей впереди и сзади его»²⁰.

Участие Чернова в работе редакции «Современника» и в организации журнала «Заветы» послужило поводом к переписке (и личному общению) его с Горьким. В настоящей публикации переписка охватывает непродолжительный период — с середины апреля 1911 г. по 29 января 1912 г. (последнее письмо Горького и ответ Чернова относятся к 1913 г.). Переписка эта отражает острый кризис, переживавшийся «Современником» в то время, и воссоздает историю организации журнала «Заветы».

Ниже публикуются 7 писем Горького к Чернову и 10 писем Чернова к Горькому.

Письма Горького (за исключением № 13 и 16) хранятся в ЦГАОР и печатаются по подлинникам; впервые опубликованы в журн.: «Советские архивы», 1969. № 1. С. 98—101. Письма Чернова, хранящиеся в АГ, печатаются впервые.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ В. И. Ленин. Т. 24. С. 335; Т. 26. С. 157.
- ² См.: Советский энциклопедический словарь. М., 1980. С. 1500.
- ³ Ленин и Горький. С. 183.
- ⁴ Там же. С. 183—184.
- ⁵ Русский Берлин. 1921—1923 / Под ред. Л. Флейшмана, Р. Хьюза, О. Раевской-Хьюз. Париж, 1983. С. 384—385; см. также: 5 (Варианты), 680—681.
- ⁶ Арх. Г. Т. IX. С. 127.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Арх. Г. Т. IX. С. 132.
- ⁹ Там же. С. 127, 128.
- ¹⁰ 5 (Варианты), 680.
- ¹¹ Арх. Г. Т. IX. С. 132.
- ¹² Там же. С. 133.
- ¹³ В. И. Ленин. Т. 24. С. 62.
- ¹⁴ Там же. С. 251.
- ¹⁵ Там же. Т. 22. С. 306.
- ¹⁶ Там же. Т. 26. С. 226.
- ¹⁷ Там же. Т. 25. С. 120.
- ¹⁸ Заветы. 1912. Кн. 8.
- ¹⁹ В. И. Ленин Т. 48. С. 137.
- ²⁰ Горьк. чт. 1961. С. 64, 67.

1. ЧЕРНОВ — ГОРЬКОМУ

«Париж. Около 19 апреля 1911 г.»

Дорогой Алексей Максимович.

Вы, в самых общих чертах, вероятно, уже знаете от Бунакова¹, что товарищи мои² отнеслись вполне сочувственно ко всему тому до чего мы с Вами договорились³.

У нас, наконец, наши заседания кончились. Я теперь относительно свободен, т. е. на крайний случай мог бы сдвинуться с места хотя бы даже немедленно⁴. Однако предпочел бы я иметь хоть два-три дня для ликвидации кое-каких литературных недоимок. Остается сговориться, когда Вам удобнее двинуться в путь, и — «плыви, мой конь, чрез Рубикон!».

Сегодня вечером и завтра почти весь день, за исключением нескольких послеобеденных часов, я свободен и, таким образом, можно сговориться о свидании.

Крепко жму руку.

Ваш Виктор Чернов

Датируется предположительно, по содержанию и времени отъезда Горького из Парижа. См. ниже, прим. 4.

¹ Бунаков (псевдоним Ильи Исидоровича Фундаминского; 1881—1942) — один из лидеров партии эсеров, затем — один из организаторов группы «Почин» (дек. 1911 г.), представлявшей собой правое ликвидаторское течение в партии социалистов-революционеров. Группа «Почин» была против отказа эсеров участвовать в Государственной думе, выступала за прекращение террора и за широкое развертывание легальной работы, которой придавала основное значение. Октябрьскую революцию Бунаков встретил враждебно, боролся против Советской власти, после гражданской войны находился в эмиграции. С Горьким Бунаков (вместе с Авксентьевым и Натансоном) встречался весной 1911 г. в Шатильоне (под Парижем) на квартире Е. П. Пешковой. Там же велись переговоры Горького с Черновым о реорганизации журн. «Современник».

² Имеются в виду члены и руководители заграничной организации партии социалистов-революционеров — Н. Д. Авксентьев (о нем см. п. 11, прим. 15), М. А. Натансон (псевдоним Бобров) и др.

³ Имеется в виду договоренность с Черновым о его участии в работе редакции «Современника».

⁴ Речь идет об отъезде из Парижа на Капри. Горький и Чернов уехали из Парижа 22 апреля 1911 г. После непродолжительной остановки в Риме Горький вернулся на Капри 25 апреля. Чернов прибыл на Капри из Феццано 1 мая 1911 г. (Дн. Пятницкого).

2. ЧЕРНОВ — ГОРЬКОМУ

(Феццано. 21 или 22 мая 1911 г.)

Дорогой Алексей Максимович.

Я обещал Вам написать, как обстоят здесь редакционные дела, и до сих пор не мог собраться. Дело в том, что надо было спешить окончить статью о «Чертовой кукле»¹, которая — статья, а не кукла — уже и отослана теперь в Питер; а потом пришлось взяться написать и внутреннее обозрение², ибо его не было, а не взяться за это дело — значило бы предоставить его Водовозову, который бы написал либо сам, либо поручил бы кому-нибудь, а кому — неизвестно. Этому прыжку в неизвестность я предпочел собственноручное писанье внутреннего обозрения, по крайней мере пока — ибо, опять-таки, дело спешное, и списываться, искать на это дело охочего человека — слишком долго. Теперь кончаю внутреннее обозрение, поэтому немного стало посвободнее, и я могу написать Вам.

Инцидент с Мир<олюбовым> я считаю улаженным. Но, улаженный в принципе, поднятый им вопрос практически почти неразрешим. Ал<ександр> Валент<инович> пишет свой роман от книжки к книжке³, едва успевая кончать к крайнему сроку. Между тем посылка рукописи на Капри и, может быть, переписка по ее поводу — вещь длинная. Будь Мир<олюбов> здесь, все разрешалось бы просто. Но теперь дело обстоит иначе — и возможны новые трения, новые инциденты. Как быть — я не знаю.

В кн<иге> пятой, кроме моих двух статей⁴, будет еще статья Ал<ександра> Вал<ентиновича> — «Ферреро и его критики»⁵. Предполагалась еще ст<атья> Колосова «Толстой и Михайловский» — но с ней сейчас осложнения (я ее не видел, она принята раньше). Водовозов предлагает настойчиво не помещать ее вовсе. Между тем Колосову уже обещано. Статья, говорят, чересчур велика. Может быть, дело кончится компромиссом, и статья будет помещена, но мне будет поручено взять ножницы и безжалостно укоротить ее. Впрочем, для статей Колосова такие операции бывают только полезны⁶.

По белл<етристике> — должна еще идти в 2 книгах, пятой и шестой, «Карьера» Тихонова⁷. Затем идет Семенов, первая половина в № 5, вторая — вместе с моим послесловием — в № 6⁸. Затем в № 5 идут: «Остров Надежда» Зиновья Пешкова, «Тени» Ширяева, продолжение восп<оминаний> Водовозовой и Анни Виванти, должны подоспеть и «Жалобы»⁹.

В № 6, кроме названных, пойдут: «Скрывной» Милициной, «Старый дом» Нежданова¹⁰.

Как видите, часть материала — «наследство» предыдущего времени. Вообще, обе книжки будут носить еще в значительной мере переходный характер.

Певин, согласно Вашему предложению, пока не вызывается — эти переговоры отсрочиваем и лишь входим в дело фактически, чтобы улучшить ход дела; вопрос о коренной реформе, быть может, легче разрешится, когда за нами будет уже некоторая произведенная работа. Да и

без нового основательного обсуждения денежного вопроса говорить о реформе очень трудно.

Очень печалит меня географическое расстояние, разделяющее нас с Вами¹¹. Трудно держать по-настоящему au courant* издали. Бумажное осведомление — это совсем не то, что свой собственный, непосредственный «глазок-смотрок» или живая речь.

Не теряю надежды, что впоследствии нам удастся съехаться всем вместе.

Здесь были Прокопович и Кускова. Говорили... и поспорили малым делом о разных текущих вопросах, хотя я первоначально хотел уклониться от дебатов с ними по существу: и некогда, и бесполезно. Но — не воздержался. Русский человек, что поделаешь.

Они — неизменны. Гимн будням. Все вопросы растворяют в мелкой, повседневной работе, в развитии культуры российской и т. д. Говорят тысячи святых, бесспорных истин, и говорят их с такой настойчивостью, что они перестают быть бесспорными и перестают быть истинами, а становятся упразднением всего сложного, его закланием на алтаре мелкого и элементарного.

Впрочем, Вам, вероятно, об их посещении напишет Ал-др Валентинович...¹²

Крепко жму руку. Привет Марии Федоровне.

Ваш Виктор Чернов

Р. С. Как дела с Вашей предполагавшейся поездкой на юг?¹³

Датируется по упоминанию п. Амфитеатрова Горькому от 21—24 мая 1911 г. и по времени пребывания Е. Д. Кусковой и С. Н. Прокоповича в Феццано.

¹ Речь идет о статье, посвященной роману З. Гиппиус «Чертюва кукла».

² О круге поднятых вопросов в этой статье и о своих расхождениях с Водовозовым Чернов писал Горькому около 17 июня 1911 г. В кн. 5 «Современника» статья не была напечатана; появилась в кн. 7. См. п. 3, прим. 4.

³ Речь идет о романе Амфитеатрова «Закат старого века» (Часть 1. «Взболтанные мозги»).

⁴ Т. е. кроме предполагавшегося внутреннего обозрения и статьи о романе З. Гиппиус «Чертюва кукла».

⁵ О ст. Амфитеатрова «Гульельмо Ферреро и его критики». См.: А—Г, п. от 19 мая 1911 г., прим. 7.

⁶ Упоминаемая ст. Колосова в «Современнике» напечатана не была.

⁷ В кн. 5 и 6 «Современника» печаталось продолжение и окончание романа В. А. Тихонова «Карьера».

⁸ В документальном рассказе С. Т. Семенова «Легко ли у нас выделяться из общины?» автор, приветствуя новую правительственную аграрную политику (см. п. 3, прим. 6), с сожалением писал о многочисленных фактах, когда община препятствовала, мешала, а то и просто запрещала «передовым хозяевам» выделяться на хутора и вести самостоятельное хозяйство. Ст. Чернова «В хаосе современной деревни», отмечая ложность той дороги, на которую вступил С. Т. Семенов, критиковала столыпинскую аграрную политику насаждения кулацких хозяйств, направленную на разрушение общинного землепользования.

⁹ Очерк Зиновия Пешкова назывался «Страна Надежд» (Современник. 1911. Кн. 5). Рассказ П. Ширяева «Тени» был напечатан в кн. 6 «Современника». Продолжение воспоминаний Е. Водовозовой «Среди петербургской молодежи шестидесятых годов. Из личных переживаний» (Современник. 1911. Кн. 3, 4) в кн. 5 не последовало; появилось в кн. 6. Роман Анни Виванти «Поглотители» (пер. с итал.) см.: Современник. 1911. Кн. 4—11. «Жалобы. III» Горького были напечатаны в кн. 5 «Современника».

¹⁰ Рассказ Е. Милицыной «Скрывной» не был напечатан в кн. 6 «Современника». В этой книге была опубликована повесть Андрея Нежданова «Старый дом».

¹¹ Чернов находился в то время в Феццано.

¹² Амфитеатров написал Горькому 21—24 мая 1911 г.

¹³ Предполагавшаяся поездка Горького на юг Италии в то время не состоялась.

3. ЧЕРНОВ — ГОРЬКОМУ

(Щецкано. Около 17 июня 1911 г.)

Дорогой Алексей Максимович.

Как и можно было ожидать, с Водовозовым у меня конфликт, и в редакционном деле — кризис.

Как он произошел? Очень просто.

Сговариваясь об идее социалистического блока, мы изложили Кусковой, приехавшей с программой от Водовозова, следующее: в крестьянском деле журнал 1) стремится связать органически движение трудового крестьянства с движением пролетариата, 2) ведет энергическую борьбу против правит^{ельственного} аграрного законодательства с его «ставкой на сильных»¹ и 3) в щекотливом вопросе о Думе² (являющейся яблоком раздора между бойкотирующими ее — Р.Р.С.³ в Польше, с.-ры и с.-д. отзовисты — и не бойкотирующими) занять позицию *вне* этих споров: это значит, предоставить полемику по этим вопросам чисто партийной литературе, тем более что бойкотистскую позицию легально защищать невозможно, а стало быть, и нападать на нее легально представляется вряд ли удобным; итак, журнал в этом вопросе ограничивается тем, что разоблачает нашу quasi-конституцию и беспощадно относится ко всякому *примиренчеству* с ней, ко всякому направлению, сворачивающему с революционного пути на поприще выращивания баобаба — демократ^{ического} строя — в третьедумском горшке из-под резеды.

Что же сделал Водовозов? Он, пользуясь своим пребыванием на месте, у типографии, снял из майского № мою статью⁴, намечавшую именно эту позицию, и поместил другую⁵, которая 1) совершенно определенно высказывается в духе *антибойкотизма* и не только для настоящего, но и для прошлого, т. е. ангажирует журнал в духе «беззаглавной» догмы, для которой бойкотизм *всегда* и принципиально отвергается; и 2) поспешил в той же статье, ни к селу, ни к городу, ангажировать журнал и в другом вопросе, — заявив, что интересы крестьянства и пролетариата в дальнейшем должны разойтись; что же касается до статьи моей по поводу Семенова, которая, по нашим уговорам, должна была носить редакционный характер, так она в примечании разжалована как бы на степень статьи, печатаемой на равных основаниях со статьей Семенова⁶...

Таковы наши «необыкновенные приключения». Журнал, поистине, «шел в комнату, попал в другую»⁷. Где же выход? Очевидно, в *выходе*... или моем с товарищами, или Водовозова — из журнала.

Таково положение. А к 22 числу приезжает сюда Певин, и нужно будет решить все дела.

Пока Ал^{ексан}др Вал^{ентинович} принял экстренные меры, чтобы взять в наши руки по крайней мере выпуск июньской книжки. Для нее мною, между прочим, написана и статья, в которой проводится идея социалистического единства, как условия гегемонии социализма в общественном движении, охвата социализмом всей трудовой демократии и установления политического руководства трудовой демократии над демократией вообще. Статья эта связана с событиями 1905 года, она написана по поводу книжечки Морского (Витте?) об «Исходе русск^{ой} рев^{олюции}» и правит^{ельст}ве Носаря⁸. Кроме того, осталась от прошлой книжки отложенная Водовозовым статья о нашем отношении к «конституции», — да еще статья о С. Т. Семенове! Немножко много одного и того же, не правда ли? («Ну, ударь раз, ударь другой — да не до бесчувствия же!»⁹). Но что делать...

Кстати, не поленились <бы> черкнуть, как Вы нашли мой первый опыт литературной критики — о «Чертовой кукле» Гиппиус. Так как

для меня это — новое ампула, то я побаиваюсь. Очень не хотелось бы сесть не в свои сани.

Ну, пока до свиданья. Ждем Вас к приезду Певина, когда господь разрешит судьбы наши и развяжет все узлы Гордиевы.

Привет Марии Федоровне.

Крепко жму руку.

Виктор Чернов

Датируется по сопоставлению с п. Амфитеатрова Горькому от 17 июня 1911 г.

¹ Речь идет о политике насаждения кулацких хуторских хозяйств, начатой столыпинской аграрной реформой, которая получила силу закона указом 9 ноября 1906 г. Позже появился еще целый ряд постановлений, узаконивших обязательность выделения личных крестьянских хозяйств из общины (закон 14 июня 1910 г.). 29 мая 1911 г. было выпущено правительственное «Положение о землеустройстве», которое открыто провозглашало принцип насильственного проведения землеустройства в интересах «столыпинских помещиков». Правительственное аграрное законодательство имело целью ликвидацию малоземелья при сохранении помещичьего землевладения, ускорение расслоения деревни, создание в лице кулачества дополнительной опоры самодержавию. Большевики, Ленин вели борьбу против новой аграрной политики самодержавия, считая, что она носит антинародный характер, защищает интересы крепостников-помещиков. Эсерами, идеализировавшими мелкое крестьянское хозяйство и общинное землепользование, новая аграрная политика царизма воспринималась как удар по их утопическим идеям о социалистическом характере сельской общины, разрушаемой столыпинской реформой.

² 3 июня 1907 г. царское правительство разогнало II Государственную думу, арестовало и сослало членов думской социал-демократической фракции и издало новый закон о выборах в III Государственную думу. Третьеиюньский государственный переворот обеспечивал безраздельное господство в Думе крепостников-помещиков и представителей крупной буржуазии и положил начало столыпинской реакции. В этих условиях большевистский центр РСДРП считал необходимым использовать III Думу прежде всего как трибуну для разоблачения царского самодержавия, соглашательской политики буржуазных партий и пропаганды своих идей. Однако левые группы в организациях эсеров и социал-демократов, в том числе фракционная группа бывших большевиков — «отзовисты», требовали бойкота Думы, отзыва из нее своих депутатов и вообще прекращения работы в легальных организациях. Ленин вел борьбу с отзовистами, тактика которых отрывала партию от масс. Чернов придерживался тактики бойкота, хотя считал возможным в «Современнике» занять «позицию вне этих споров», как он пишет Горькому.

³ Польская социалистическая партия (Polska Partia Socjalistyczna) создана в 1892 г. С самого начала правое руководство ее стремилось подчинить рабочее движение интересам буржуазии.

⁴ Эта статья Чернова (возможно, в несколько иной редакции) была напечатана в кн. 7 журнала, в разделе «Дела и дни. На современные темы».

⁵ Имеется в виду ст. В. Водовозова «Министерский и парламентский кризис в стране, в которой, слава богу, нет парламента», помещенная в разделе «На родине».

⁶ См. п. 2, прим. 8. В кн. 5 «Современника» публикация очерка Семенова сопровождалась примечанием от редакции: «В следующей книге, по напечатании второй части очерка С. Т. Семенова, редакция даст место статье Виктора Чернова, в которой автор, применительно к тому же конкретному материалу, выяснит свою точку зрения на затронутые автором вопросы, существенно отличную от точки зрения автора».

⁷ Слова Софьи из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (д. 1, явл. 4).

⁸ Ст. Чернова «Откровенная книга» по поводу книги А. Морского «Исход русской революции 1905 г. и правительство Носаря» была напечатана не в 6, а в 7 кн. «Современника». Резкой критике подверг эту статью Чернова на страницах большевистского журнала «Просвещение» (дек. 1911 г.) Л. Б. Каменев (см.: А—Г, п. от 22 июля 1911 г., прим. 7). Его поддержал Ленин, осудивший ответ Чернова Каменеву в журн. «Заветы» (1912, № 2) (В. И. Ленин. Т. 21. С. 419).

А. Морской (псевдоним Владимира фон Штейна) — публицист. Кроме названной здесь брошюры, вышедшей в Москве в 1911 г., ему принадлежат книги: «Разочарование в честном маклерстве» (М., 1911); «Зубатовщина» (М., 1913); «Военная мощь России» (Пг., 1915).

⁹ Реплика Расплюева в «Свадьбе Кречинского» А. В. Сухово-Кобылина.

4. ГОРЬКИЙ — ЧЕРНОВУ

(Капри. 10 или 11 ноября 1911 г.)

Дорогой Виктор Михайлович!

Посылаю копию письма Амфитеатрова¹, — сообщите Ваши соображения по сему поводу.

Торопясь немедленно послать письмо Вам — ничего не пишу более, да и не мог бы, ибо застигнут врасплох сим неожиданным оборотом дела. Жму руку.

А. Пешков

Датируется по связи с п. Амфитеатрова Горькому от 9 ноября 1911 г.

¹ Горький послал Чернову копию п. Амфитеатрова от 9 ноября 1911 г., в котором тот писал, что не верит в возможность коллективного руководства «Современником», поэтому «отстраняется» от журнала и «готов, когда угодно, сдать „Современник“ в руки группы», которую Горький составит.

5. ЧЕРНОВ — ГОРЬКОМУ

(Феццано. 11 или 12 ноября 1911 г.)

Дорогой Алексей Максимович.

Только что получил Ваше письмо с приложением Амфитеатрова. Оборот, действительно, неожиданный. К сожалению, уверовать в его серьезность слишком трудно.

Судя по этому письму, он считает нас четырех¹ равно духовным ядром журнала. Но как примирить с этим тот факт, что, например, с Вашим мнением он и не подумал справиться — хотя бы au titre de renseignement* — прежде чем объявить мне и Миролюбову условленное с Певиным решение?² Как вообще примирить с этим тот факт, что он совещался с Певиным единолично³, о том, что свидание это налаживается, известил нас лишь под самый конец, и о предмете совещания мы узнали лишь post factum? Вы же, если не ошибаюсь, даже и совсем не знали — до наших сообщений — об этом свидании?

Я понимаю, что можно по-товарищески сказать: наша совместная работа не ладится, надо разойтись; хотите — Вы берите «Современник», иначе — беру его я. Но ведь было как раз наоборот. До поездки в Париж Александр Валентинович все время говорил мне иное, — да и Вам в письмах, если не ошибаюсь, он тоже писал, что у него со мной работа и отношения по работе наладились хорошо. И вот в виде настоящего coup d'état* мне подносится предложение — перейти на положение вольнонаемного чтеца рукописей с «совещательным» голосом. Во мне здесь не самолюбие говорит, хотя, конечно, такое предложение для меня и казалось несовместимым с моим чувством собственного достоинства — личного и общественно-литературного; меня здесь интересует другая сторона. А. В. только что, отдельно от нас, условился о чем-то с Певиным и преподнес нам готовое решение. Может ли после этого быть серьезным его «предложение» передать дело нам и даже быть посредником между нами и Певиным?

Я, напротив, из всего вижу, что А. В. и Певин неразделимы. Да не говорил ли нам об этом несколько раз и сам А. В.? Его выражения были при этом самые недвусмысленные. «Певин будет делать так, как я ему скажу». Мне, кроме того, он указывал, что гарантировал себя. Ведь Амфитеатров — член редакционно-издательского комитета вместе с Певиным (и Кояловичем, насколько помню). У него составляется в «Совр.» определенным образом пай. На каждые 100 рубл. действительного гоно-

* в порядке осведомления, задним числом (фр.).

* государственнй переворот (фр.).

рара, по его словам, ему засчитывается 150 или 200 рублей номинального, из которого этот пай и образуется. «Если бы Певин даже и захотел меня выкинуть, он не может, потому что тогда должен будет выплатить мне мой пай» — так говорил он однажды, успокаивая меня по поводу слухов из Петербурга, будто Певин слышит на Урале октябристом (слух, по-видимому, был ложный).

И еще одна «наглядная несообразность». Еще недавно Миролюбов писал А. В. о желательности возобновления общих собраний. Что же ответил ему А. В.?⁴ Я сам читал это место его письма: что в общих собраниях надобности нет^{3*}, ибо с Мир. он отлично сносится по всем делам по белл<етристическому> отделу, а со мной — по научно-политическому. Теперь же выходит, что именно он, А. В., и видит всю беду в отсутствии действительного, а не номинального коллектива!

Странно и самое начало письма: «когда из четверых трое недовольны одним...» Этим как будто инициатива конфликта переносится на нас, тогда как на деле «из четырех один дал *congé*^{4*} двоим...»

Что же знаменует собою письмо А. В.? Вряд ли можно сомневаться, что это — «красивый жест» для успокоения отчасти общественной, отчасти же, м. б., и личной совести.

Другое дело — как *формально* ответить на его предложение, в серьезность которого можно не верить, но которое все-таки номинально существует? Может быть, даже согласиться? Об этом надо подумать. И, во всяком случае, не оставлять своих действий по организации нового журнала⁵. Хуже всего здесь для нас было бы, если бы мы потеряли только попусту время, в переговорах. Для нас «потеря времени смерти подобна».

Крепко жму руку. Съезжу потолковать с Мир<олюбовым>⁶. Напишите скорее Ваше мнение. Привет М. Ф.

Ваш Викт. Чернов

Датируется по сопоставлению с п. 4.

¹ Имеются в виду Амфитеатров, Горький, Чернов и Миролюбов.

² См. п. Амфитеатрова Горькому от 1 ноября 1911 г., в котором он сообщал, что по настоянию издателя «Современника» Певина он, убедившись в невозможности коллективного руководства, решил взять журнал «всецело в свои руки», о чем уже поставил в известность Миролюбова и Чернова, которые после этого заявили о своем уходе из «Современника».

³ Речь идет о встрече Амфитеатрова с Певиным в Париже. См. там же.

⁴ Письмо не разыскано.

⁵ См. вступ. ст. к переписке.

⁶ Больной Миролюбов в это время лечился в Давосе (Швейцария).

В. ГОРЬКИЙ — ЧЕРНОВУ

«Капри. Около 18 ноября 1911 г.»

Дорогой Виктор Михайлович!

Я тоже не чувствую в письме А<лександра> В<алентиновича> желания поправить дело, и я ответил ему так:

«Решительно отказываюсь составлять группу и брать „Совр<еменник>“ „в свои руки“, ибо к такому делу не считаю себя способным. Начало Вашего письма включительно до фразы „вот все, что я могу предложить“ я сообщил в копии В. М. Чернову, и это все, что считаю нужным сделать в данном случае»¹.

Итак, он знает, что его предложение, адресованное мне, — известно Вам, значит при наличности желания он может говорить с Вами.

^{3*} Подчеркнуто Горьким.

^{4*} вытеснил, выгнал, выпер (*фр.*).

Вчера приехал какой-то бойкий парень по фамилии Недригайлов и выразил желание работать в «Современнике», куда и был направлен мною². Очень современен.

Сообщите Виктору Сергеевичу³, что здесь Бунин⁴.

Приветствую, желаю Вам всего доброго.

А. Пешков

Вот что, В. М., — я попрошу Вас, пожалуйста, вычеркните мое имя под письмом в редакцию о выходе из журнала⁵, — я предпочитаю снять его без шума, ибо оный шум крайне удручает меня.

Сейчас получил почту: везде мои письма в «Киевскую мысль» и «Живое слово» и какие-то нелепые сведения обо мне⁶. Это — неприятно, это имеет такой вид, как будто я хочу напомнить о своем бытии, что раздражает меня.

Вычеркните, пожалуйста, существо дела от этого не изменится, а мне будет приятней и легче.

А. Пешков

Датируется по упоминанию п. Горького Амфитеатрову от 11 или 12 ноября 1911 г. и по сопоставлению с письмом ему же от 16 или 17 ноября с сообщением о Е. И. Недригайлове.

¹ Горький не совсем точно цитирует свое п. Амфитеатрову (см. выше).

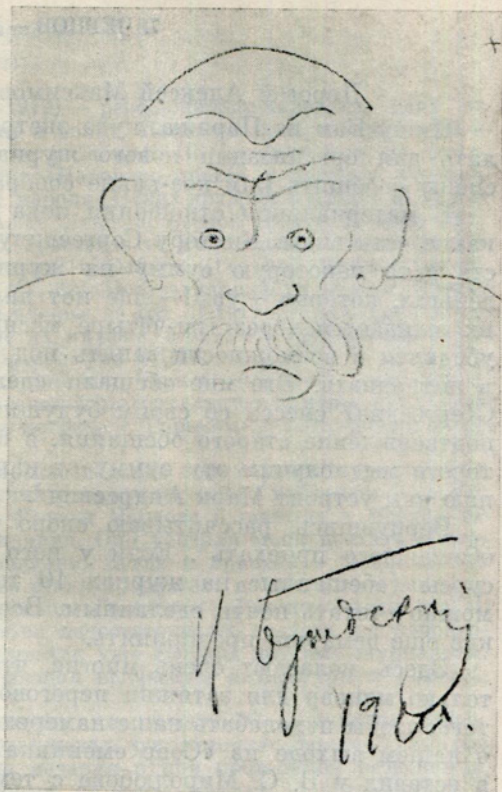
² См.: Г—А, п. от 16 или 17 ноября и А—Г, п. от 18 ноября 1911 г.

³ В. С. Миролюбову.

⁴ И. А. Бунин приехал на Капри 16 ноября 1911 г.

⁵ После объяснения с Амфитеатровым, состоявшемся 1 ноября 1911 г., Чернов и Миролюбов заявили о своем выходе из редакции «Современника». Убедившись из дальнейшей переписки с Амфитеатровым, что тот «не желает поправить дело», Горький решил присоединиться к ним и подписал совместное письмо в редакцию о выходе из «Современника». См. п. 7, прим. 6.

⁶ Речь идет о письмах с протестом против напечатанных в газетах призывов к русскому обществу «подать свой голос за разрешение Горькому вернуться на родину». Так, в газ. «Киевская мысль» было помещено сообщение о том, что «Шаляпин собирает под петицией Макарову (министр внутренних дел и шеф жандармов в то время.— И. В.) о разрешении М. Горькому возвратиться в Россию подписи литераторов, артистов и художников». В связи с этим Горький писал в редакцию, что «слух этот оскорбляет» его, «ибо ни Ф. И. Шаляпину, ни кому-либо иному» он не давал «полномочий ходатайствовать о позволении вернуться на родину» («Киевская мысль», 1911. № 299, 29 окт./11 ноября). О п. Горького в газ. «Живое слово» см.: Г—А, 29 или 30 октября 1911 г., прим. 2.

ГОРЬКИЙ

Шарж И. И. Бродского (бумага, карандаш).

Капри, 1911

Музей Горького, Москва

7. ЧЕРНОВ — ГОРЬКОМУ

(Париж. Около 20 ноября 1911 г.)

Дорогой Алексей Максимович.

Пишу Вам из Парижа, куда экстренно выехал, в расчете кое-что сделать для организации нового журнала¹. Теперь собираюсь обратно и спешу сообщить Вам кое-какие соображения.

В материальном отношении пока удалось немного. Но вот все-таки какие есть виды. Виктору Сергеевичу² здесь обещано было в одном месте дать некоторую сумму на журнал — в будущем, ибо дело идет о деньгах, которых — увы! — еще нет налицо. Но деньги верные, получение их ожидается через три-четыре месяца (беру удлиненный срок). Я же убедился в возможности занять под такой будущий вклад сумму тысяч в пятнадцать. Это мне обещали сделать. Итак, нужно, чтобы В(иктор) С(ергеевич) снесся со своим будущим «вкладчиком» и получил от него подтверждение старого обещания, в виде векселя на 15 т. р., взамен которого мы получим эту сумму от капиталиста. Сию финансовую операцию нам устроит Марк Андреевич³.

Вернувшись, рассчитываю скоро увидеть моего «агента» из России, обещавшего приехать⁴. Если у него не только сохранились старые ресурсы (обещанные на журнал 10 тыс.) но и приумножились, то дело можно считать почти сделанным. Вообще тогда можно решить, где и какие еще демарши предпринять.

Здесь полагают очень многие, что предложение Амф(итеатрова)⁵ — только маневр для затяжки переговоров вплоть до подписки и еще для того, чтобы поколебать наше намерение выступить с гласным заявлением о нашем выходе из «Современника». Кстати: подписанные заявления я оставил у В. С. Миролюбова с тем, чтобы он списался с Вами о моменте публикации. Раньше я был в некотором колебании и не сразу пришел к мысли о необходимости такой публикации. В сущности, решающим толчком для меня были Ваши слова, что не следует вводить в заблуждение читателей и подписчиков. Здесь я еще более убедился, что Вы были совершенно правы и что нужна полная ясность положения⁶.

Некоторые советовали, чтобы на предложение Амф(итеатрова) мы дали такой ответ: пусть не Амф. а редак(ционн)о-изд(ательский) комитет «Современника» предложит остальным трем ближайшим сотрудникам принять на себя редакцию журнала, и тогда, без всякого посредничества, на прежних условиях и без всяких затяжных переговоров дело могло бы быть разрешено в кратчайший срок. Советующие так поступить тоже сомневаются в серьезности предложения Амф., но имеют в виду только лишить его возможности ссылаться на то, что будто бы не он произвел coup d'état*, а мы отступились сами от него, несмотря на его великодушную готовность отдать журнал в наши руки. Пишу Вам об этом только так, к сведению, ибо, вероятно, Вы уже теперь получили совещательное мнение Виктора Серг. и дали Амф(итеатрову) свой ответ.

В конце концов, конечно, все это мало существенно. А существенно лишь то, что удастся нам сделать для организации нового журнала...

Пока до свиданья. Тороплюсь еще побывать в нескольких местах, для выяснения разных финансовых перспектив. Поездка моя и без того слишком затянулась. Я рассчитывал пробыть дня три, а скоро исполнится уже неделя, и дома меня ждут со дня на день. По дороге заеду к Миролюбову.

Крепко жму руку. Привет М. Ф.

Ваш Виктор Чернов

Простите за спешность, отрывочность и беспорядочность письма. Приходится набрасывать «на бегу».

* настоящий переворот (фр.).

Датируется по содержанию и сопоставлению с п. 6.

¹ Журнала, названного затем — «Заветы».

² Миролюбову.

³ Марк Андреевич Натансон (1850—1919) — революционер-народник, один из основателей кружка «чайковцев» и «Земли и воли». После раскола ее примкнул к «Народной воле». В 1879—1889 гг. — в ссылке в Сибири. По возвращении из ссылки — один из организаторов и глава партии «Народное право», в которую входили также друг Горького — бывший участник народнических кружков в Казани М. А. Ромаш и знакомый Горького по Тифлису А. М. Лежава. Весной 1894 г. царское правительство полностью разгромило партию, арестовав ее виднейших членов. Натансон, Ромаш, Лежава и другие были сосланы в Сибирь (Горький вспоминает об этом в 1927 г. в п. А. А. Белозерову; см. ХХХ, 22). Возвратившись из ссылки, Натансон в 1905 г. вошел в партию эсеров, стал членом ее ЦК. В 1917 г. — примкнул к левым эсерам, от которых отмежевался после их мятежа, в 1918 г. — организатор группы «революционных коммунистов», член Президиума ВЦИК.

⁴ Этим «агентом» из России, которого ожидал Чернов, по всей вероятности, был Сергей Порфирьевич Постников, оказавший материальную помощь в издании «Заветов». В своих воспоминаниях — «Мои встречи с Горьким», — написанных в октябре 1953 г., он рассказывал:

«В это самое время я подготовлял в Москве издание популярного журнала типа „Журнала для всех“. Для издания я получил пятнадцать тысяч рублей от молодых студентов с-ров, получивших наследство. Друзья Чернова в поисках в Москве денег для его журнала узнали о моем начинании. Они убедили меня поехать в Италию, чтобы договориться о совместном издании. Когда я приехал в Феццано, где жили Чернов и Миролюбов, мне настойчиво стали предлагать начать в этом же году издание „толстого“ журнала размера „Русского богатства“, „Русской мысли“ и т. п. Я долго не соглашался с этим, указывая на недостаточность средств, на неподходящее время, когда годовая подписка библиотек уже собрана другими журналами. Но ссылка на А. М. Горького, который обещал всяческую литературную помощь, заставила меня сдаться.

1 мая 1912 года в Петербурге я выпустил из печати № 1 журнала „Заветы“ размером в 27 печатных листов. Многострадальную историю „Заветов“, семь раз конфискованных за два с половиной года издания и при постоянном безденежье, я рассказал в своих воспоминаниях, которые, не знаю, выйдут ли когда-нибудь в свет. Здесь же я хочу написать только о той помощи, которую оказал нам Горький. Он сдержал свое слово и дал для первого номера один из лучших своих рассказов „Рождение человека“ (АГ).

⁵ См. п. 4, прим. 1.

⁶ Во время пребывания Чернова на Капри с 7 или 8 по 11 ноября (Дн. Пятиницкого) был составлен проект совместного «письма в редакцию» Горького, Чернова и Миролюбова о выходе из «Современника». Сохранился текст этого письма, написанный рукой Чернова:

«М(илостивый) г(осударь) г. Редактор.

Считаем необходимым через посредство Вашей газеты довести до сведения читателей, что никакого участия в журнале „Современник“ мы более не принимаем.

Просим другие газеты настоящее наше заявление перепечатать.

В конце текста помета: «4 газеты» (АГ).

Однако позже Горький решил снять свое имя под этим письмом (см. п. 6, прим. 5). Вскоре Чернов и Миролюбов, по примеру Горького, также отказались от публикации письма. См. п. 8.

8. ЧЕРНОВ — ГОРЬКОМУ

(Феццано. Ноябрь, после 20, 1911 г.)

Дорогой Алексей Максимович.

Вернувшись из Парижа, где я задержался сверх ожидания, нашел Ваше письмо, из которого я увидел, что Вам, по личным обстоятельствам, сейчас неудобно выступать с новым «письмом в редакцию». Думаю, что и нам следует в таком случае последовать Вашему примеру и ограничиться просто снятием своих имен с «Современника». Иначе явится ложная видимость, будто Вы и мы неодинаково относимся к наступившим в «Совр(еменнике)» переменам. Это возбудит лишние толки, обращения к нам за разъяснениями, т. е. то, что в таких делах всегда наиболее противно.

В Париже удалось кое-что подготовить в смысле материальной базы нового журнала, и Викт(ору) Серг(еевичу)¹, вероятно, придется тоже

туда съездить, чтобы окончательно закрепить получку некоторой суммы и фиксировать ее размеры. Мое дело было подготовить для него почву и создать возможность немедленного займа тысяч пятнадцати-двадцати в счет этой будущей получки.

К сожалению, в другом деле обстоятельства для нас сложились менее благоприятно. Тот человек из России, о котором я говорил², выехал раньше получения моего письма о кризисе в «Совр.» Поэтому он договаривался об ассигновках на новый журнал лишь в принципе и условно. Но видов у него очень много, и он полагает, что возможность начать в будущем году издание стоит вне всяких сомнений; вопрос лишь в том, успеем ли поставить административно-коммерческую часть в тот короткий промежуток времени, который остается, чтобы можно было выйти в январе? Через несколько дней он выедет в Россию и спешно начнет там действовать. Я условлюсь с ним, чтобы по благоприятном разрешении каждого из важнейших условий издания он сообщил сюда телеграммой:

- 1) Когда будет иметь в руках 20 т. р. наличными,
- 2) Когда будет иметь документ на получение — самое позднее — к концу второго полугодия еще 20 т. р.
- 3) Когда будет иметь согласие одного из намеченных лиц взять на себя организацию конторы, etc.,
- 4) Когда будет обеспечена типография и начнет функционировать контора.

Таким образом, «заграница» будет стоять всецело в курсе хода дел в России.

Сегодня жду приезда Миролюбова, и сообщая поставим и решим вопрос относительно моей эскапады³.

Набрасываю сейчас программу журнала (не в смысле «проспекта», а в смысле отделов, распределения между ними «журнальной территории» и сотрудников по каждому отделу). Перешлю ее затем Вам.

Когда я был у Вас, Вы просили меня сообщить, в каких №№ «Знамени труда» находятся материалы, относящиеся к характеристике Рагозиной. Я навел нужные справки: вот они. Три письма Рагозиной к товарищам (драгоценный материал для ее психологии) и моя заметка-некролог помещены в № 7. Так как первые десять №№ «Знамени» т<руда> печатались в России, то, возможно, что у Вас их нет. Тогда напишите мне, и я могу прислать Вам свой экземпляр во временное пользование (к сожалению, у меня только один экз., и потому не могу Вам его преподнести). Воспоминания же о Рагозиной одной из ее подруг (очень недурно написанные) помещены в № 27.

Вы предлагали мне взять для разработки письма разных русских людей к Вам, характеризующие зарождение новых настроений и внутренней работы мысли самого последнего времени. Так как журнал, очевидно, будет, и надо заготавливать заранее для него материалы, то я охотно взялся бы через неделю-другую за эту работу (сейчас есть другие, все спешные).

Крепко жму Вашу руку. Привет М. Ф.

Ваш Виктор Чернов

Датируется по содержанию и сопоставлению с п. 7.

¹ Миролюбову.

² Очевидно — С. П. Постников. См. п. 7, прим. 4.

³ Возможно, речь идет о намерении Чернова нелегально выехать в Россию для ускорения организационно-финансовых мероприятий по изданию нового журнала. См. п. 9.

9. ЧЕРНОВ — ГОРЬКОМУ

(Феццано. Конец декабря 1911 г.)
 Fezzano, presso Spezia, villa Parodi,
 V. Tshernoff

Дорогой Алексей Максимович.

Проводив обратно в Россию моего «человечка»¹, хотел бы — уже в более конкретных и реальных чертах — побеседовать с Вами о программе нового органа. Ибо, невзирая на все трудности и краткость времени, шансы на успех предприятия есть, и — почему знать? — может быть, придется экстренно составлять январский номер... Это может случиться через какие-нибудь пару недель, по экстренной телеграмме из Петербурга. Но тут возникает множество вопросов, ранее нами не предвиденных. Здесь и вопрос об организации редакции, и о русском ее члене, и о местопребывании как заграничного, так и русского отдела (относительно последнего есть план — временно иметь его в Москве, чтобы уже затем перенести в Петербург), и о сотрудниках по разным вопросам. Подумывал, было, проехаться для всего этого к Вам на Капри, да не знаю — не помешаю ли Вам сейчас в Ваших работах и не лучше ли отложить до какого-нибудь более удобного времени?

Я пока застрял здесь, ибо товарищи по устройству всего этого предприятия единогласно и категорически воспротивились моей личной «эскападе»². Надеются все устроить и так, — и протестуют против риска. А мне не сидится...

Черкните, что Вы думаете относительно времени, когда удобнее устроить свидание.

Привет М. Ф. Крепко жму Вашу руку.

Ваш Виктор Чернов

Датируется по сопоставлению с п. 8.

¹ С. П. Постникова.

² См. п. 8, прим. 3.

10. ГОРЬКИЙ — ЧЕРНОВУ

(Капри. 1 или 2 января 1912 г.)

Дорогой Виктор Михайлович!

Если Вы можете приехать — приезжайте, здесь Бунин, Коцюбинский, Черемнов¹, люди, с которыми Вам, м<ожет> б<ыть>, будет интересно и не бесполезно познакомиться².

Я — к Вашим услугам.

Желаю всего доброго!

А. Пешков

Датируется предположительно, по записи в *Дн. Пятницкого* от 25 декабря 1911 г./7 января 1912 г.: «Приходит Мир<олюбов> и Чернов. Приехали 23 вечером — новый журнал» (АГ). На Капри обсуждались вопросы, связанные с организацией журн. «Заветы».

¹ А. С. Черемнов болел туберкулезом и по приглашению Горького жил с матерью на Капри с декабря 1911 г. по февраль 1912 г.

² Вскоре после поездки к Горькому Чернов сообщал Е. П. Пешковой: «Был недавно на Капри. С первого же № журнала пойдет рассказ Алексея Максимовича — «Три дня». А. М. пишет, что сейчас у него много российских гостей и работать порядком мешают, — поэтому он не мог кончить еще одной статьи для январской книжки на тему об общественном настроении (эпидемия самоубийств как характерный симптом переживаемого момента). Познакомился на Капри с Буниным, у которого «сторговали» рассказ, по отзыву А. М., превосходный. Еще познакомился с Коцюбинским и Зайцевым, — от каждого тоже получаем по рукописи. Дела опять выше головы и спешка идет у нас невероятная (...) А. М. говорит, что вот уже восемь месяцев, как не выезжал из Капри никуда, даже в Неаполь» (АГ).

ДѢТИ

Сердечному подарку

Михаилу Михайловичу

Кочубинскому

и семье

А. Горький

Сараи.

Дю.

Нольдр.

11. ЧЕРНОВ — ГОРЬКОМУ

«Феццано. Около 20 января 1912 г.»

Дорогой
Алексей Максимович.

Наконец-то все наши телеграфные переговоры кончились. Будет журнал — и пока экстренно составляем январский №¹.

Шлите скорее Вашу повесть². Кочубинского уже послали Волховскому для перевода³. Пишу статью об Изгоеве⁴; затем примусь за другую — о безжизненности нашей литературы и о подземных родниках настоящей, живой жизни.

Для этой статьи жду с нетерпением обещанных Вами писем⁵.

Надеюсь, что, несмотря на спешку, в этом же № удастся составить и сносный обзор явлений текущей жизни⁶. Вот если бы открыть его Вашей статьей о самоубийствах!⁷ Как она — кончили или еще нет?

В «Речи» была заметка о том, как органы польского «Колла» встретили Вашу статейку в «Запросах жизни»⁸. Вот уж поистине пуганные вороны, которые при первой возможности оборотятся ястребами! Эти

польские октябристы мне противнее русских. Наши, по крайней мере, цельны в своей гордыне «господствующей национальности», которая прет себе, не задумываясь о том, каково национальностям подвластным. А эти — сами на себе превосходно знают все невзгоды и унижения поработенной национальности, а только и мечтают, как бы, выбившись, поднять под себя еще более меньшую братию. Выступление их в Думе по вопросу об избирательных правах евреев в царстве польском — это верх цинизма⁹.

Можно надеяться, что их выпады против Вашего проекта только поспособствуют живому его обсуждению и отклику на него настоящих демократов всех национальностей. Но, думается, к этому вопросу и нам еще придется вернуться.

Передайте, пожалуйста, Кочубинскому вместе с сердечным приветом от меня (он, кстати сказать, на меня произвел самое симпатичное впечатление), что дело наладилось¹⁰ и мы ждем чего-нибудь от его соотечественников¹¹.

Повесть Бунина тоже думаем пустить в первой книжке¹². Из научно-политического отдела есть содержательные статьи С. Зака и Н. Ракитникова¹³; первая — об рабочей программе в связи с типами промышленной эволюции, вторая — «Статистика или реклама?» — относится к итогам землеустройства по официальным данным. Жду еще нескольких статей из разных мест (о Раписарди из Рима¹⁴, о Толстом от Авксентьева¹⁵, от Лункевича¹⁶ etc).

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ГОРЬКОГО
М. М. КОЦУБИНСКОМУ НА КНИГЕ:
М. ГОРЬКИЙ.
ДЕТИ. КОМЕДИЯ В ОДНОМ ДЕЙСТВИИ
Берлин, (1910)

Архив Горького, Москва

Итак — выступаем! Надеюсь, что, несмотря на спешку, мы и первым номером не ударим лицом в грязь.

Сердечно Ваш Виктор Чернов

Привет М. Ф.

Датируется по упоминанию заметки в газ. «Речь». См. ниже, прим. 8.

¹ Первая книга «Заветов» вышла в конце апреля 1912 г., но, надеясь, что издание журнала начнется в январе, Чернов писал Е. П. Пешковой (в середине янв. 1912 г.): «Наконец-то все наши тревожения разрешились. После обмена телеграммами с Москвой вопрос о журнале окончательно решен в положительном смысле.

Но — представьте себе — я до сих пор еще не знаю названия журнала, хотя уже шлю для январской книжки статьи и одновременно подготавливаю февральскую. Сначала был убежден, что журнал будет называться „Мысль“, — но теперь, кажется, это будет либо „Зарницы“, либо „Заветы“... На днях узнаю окончательно. Наши российские товарищи этой мелочи-то и не догадались до сих пор сообщить, хотя обо всем остальном написали довольно подробно. Много было мытарств, много было и спешки... Я думаю, Вы уж окончательно изверились в возможности в этом году появления нашего журнала. Признаюсь, и я был недалеко одно время от того, чтобы отчаяться в его осуществимости. И все-таки!

Признайтесь, что мы-таки побили „рекорд быстроты“. Доселе еще никому в такое короткое время не удавалось организовать толстый журнал. Ведь когда месяца два тому назад мы „твердо вознамерились“ начать в этом смысле действовать, у нас и денег-то не было ни гроша...» (АГ).

² Речь идет о повести «Три дня».

³ Об этом же писал Горькому позже, 31 января 1912 г., Миролубов: «Рассказ М. М. (Кочубинского) послал в Лондон, Волховскому, хотел перевести хотя половину. В переводе Ф. Волховского «Тени забытых предков» М. Кочубинского печатались в кн. 1—3 (апр.—июнь) «Заветов» (1912).

⁴ Упоминаемая ст. Чернова об Изгоеве под названием „Умеренные“ и „крайние“ была напечатана в первой кн. «Заветов» за подписью: Я. Вечев. Под этим псевдонимом Чернов вел в журнале серийный раздел политических фельетонов «Дела и дни». Отвечая на статью Изгоева (Русская мысль. 1911. Кн. XI), утверждавшего, что «левые» своими революционными делами помешали Витте в 1905 г. осуществить реформы, Чернов обвинял его и всю литературную группу «Русской мысли» во главе с Петром Струве в «идейном октябризме», ренегатстве. Политика их — «политика примиренчества по отношению к данному политическому укладу, политика разоружения общества». Изгоев и К° со своей «мистико-националистическо-постепенновской идеологией», писал Чернов, «пользуются всяким поводом, чтобы подкопаться под социализм и активную демократию и дискредитировать их», и делают все это «с покаянным усердием отступников, отверженцев, „изгоев“ крайней левой освободительного движения».

⁵ См. п. 8.

⁶ В кн. 1 «Заветов» раздел «Текущая жизнь» составлял «обзоры и заметки»: «I. В России» и «II. За границей». Три заметки, посвященные жизни «в России», печатались под тремя рубриками: «Политика», «Местный отдел», «Национальная жизнь»; к двум последним Горький проявлял особый интерес. В первой рубрике помещена была заметка В. Ленуара (один из псевдонимов В. М. Чернова) «Сущность „обновленного строя“», в которой автор доказывал, что сущностью «обновленного строя» России. «самым авторитетным представителем» которого был Столыпин, является все то же старое «попехонское волшебство», по определению Щедрина: «Волшебство, проявления которого непредвидимы (...) Разумных оснований не спрашивайте (...) О самой элементарной справедливости не заикайтесь. Тут все по-своему. О невозможном забудьте; здесь все возможно...» Все в этой «околдованной, сказочной стране» происходит «наоборот»: Распутин над «министрами министр», «над владыками владыка», как говорит поверженный бунтарь-монах Илиодор; «во время голода идет систематическая кампания против тех, кто хочет идти кормить голодающих», евреев, чья кровь «в погромах много раз лилась», «хотя судить за пролитие и употребление крови детей христианских», «безоружной и незащищающейся толпе» на ленских приисках дают «целое кровопролитное сражение, после которого на поле своеобразной „битвы“ убитых и раненых остаются сотни» и т. п.

В следующей заметке Гр. Шрейдера «Местное самоуправление и наши задачи» рассматривался вопрос об взаимоотношении между местным управлением и государственной властью, прибегая к любым уловкам, чтобы не проводить реформу городского и земского самоуправления, ибо тем самым правительство «выпускает из рук контроль над Россией». В связи с этим журнал считал для себя необходимым «возможно более широкую постановку местного отдела», «систематическую и планомерную разработку вопросов местного управления и местного хозяйства».

И наконец, под рубрикой «Национальная жизнь» напечатана была статья Велikorосса (содержание ее и некоторые факты, совпадающие с настоящим письмом, дают основание полагать, что это один из незафиксированных псевдонимов Чернова) «Обострение национального вопроса и задачи прессы». Отмечая необычайный рост национализма в стране, автор пишет, что в этих условиях «приобретает особую важность дело взаимного информирования отдельными национальностями, живущими в России, друг друга». В связи с этим, например, приветствуется появление «нового органа на русском языке об украинской жизни и национальном движении» — «Украинская жизнь».

⁷ Ст. Горького «О самоубийцах» в «Заветы» не была отдана. См. п. 12, прим. 2.
⁸ Имеется в виду заметка «Польская печать о статье М. Горького» (Речь. 1912. № 1. 1/14 янв.), в которой оценивается первая статья Горького из цикла «Издадека», напечатанная в «Запросах жизни» (1911, № 11, 16/29 дек.). В этой статье писатель выступил против проповедуемого реакционерами «зоологического национализма», за духовное единение народов разноплеменной Российской империи, взаимное знакомство с культурой и литературой, за организацию «Всероссийского общества литераторов и ученых», которое укрепляло бы и развивало связь между национальностями. «Лозунгом времени, — писал Горький, — должно быть единение честных людей всех племен, входящих в состав империи, единение, почвой которого должны быть интересы всероссийской демократии, духом — демократическая идея (...) В России есть культуры, с которыми велikorосс не считается, потому что он их не знает, а ведь ему необходимо знать дух тех племен, среди которых он живет и которыми его ныне пугают, приписывая им разные злые намерения против него (...) Знакомить русского человека с творчеством племен, среди которых он живет, необходимо и пора (...)» (Горький М. Несобранные литературно-критические статьи. М., 1941. С. 408—409, 410).

Пересказав вкратце эту статью Горького, автор заметки в «Речи» отмечает, что горьковская идея встретила сочувствие польского прогрессивного органа «Nowa Gazeta», сомневающегося, однако, в ее осуществимости. В то же время, указывается в заметке, «Głos Warszawski» под руководством «Коло», специализирующегося на дискредитировании прогрессивной России в глазах поляков, отнесся к статье Горького иначе. Эта газета уверяет, что Горький проповедует в своей статье «культурный империализм», однородный империализму русских националистов, что «идея равенства и равноправия органически непонятна» таким русским ее защитникам, как Горький, и что сам Горький стоит на точке зрения «господствующего народа», которому нужно «объединение» в целях централизации и укрепления государства. В связи с этим орган польского националистического «Коло» предостерегает от доверчивого отношения к «русским радикалам и прогрессистам» и считает необходимым «дискредитировать русскую оппозицию всех видов», ибо ее престиж в Польше «мешает Дмовским и их планам», т. е. национал-демократической партии, имеющей «чисто польские» интересы.

⁹ Эта же мысль высказана и в упоминавшейся ст. «Обострение национального вопроса и задачи прессы». Говоря об обострении национального вопроса в России, где, с одной стороны, «безраздельно господствует черный воинствующий национализм», а с другой — как реакция на него развивается «оборонительный, защищающийся», Чернов отмечал, что «оборонительная позиция данной национальности еще не очищает сама по себе национального чувства от зоологического элемента». «Поляки, — пишет он, — в пределах России представляют собою угнетенную национальность, и польское Коло в Государственной думе умело не раз с честью дало сражение черносотенному „наступательному национализму“. А между тем... а между тем в вопросе о местном самоуправлении и положении в нем евреев их „оборонительный национализм“ быстро выказал свою изнанку и показал, что под его сердцем бьется зародыш национализма вполне агрессивного, — дайте ему раз вернуться на свободу, и он покажет себя» (Заветы. 1912. Кн. 1. Апр. С. 195).

¹⁰ По-видимому, речь идет о том, что повесть М. Коцюбинского уже послана для перевода.

¹¹ См. п. 12, прим. 7.

¹² Повесть И. А. Бунина «Веселый двор» была напечатана в кн. 1 «Заветов».

¹³ Упоминаемые статьи С. Зака и Н. Ракитникова в «Заветах» не были напечатаны.

¹⁴ Марио Раписарди (1844—1912) — итальянский поэт, автор философских («Возрождение», 1868) и антиклерикальных («Люцифер», 1877) поэм. В 80-е годы примкнул к социалистическому движению. Наибольшего достижения поэт достиг в своих политических и гражданских стихах, воспевавших солидарность людей труда, направленных против социального неравенства. В VIII сб. «Знания» было опубликовано его стихотворение «Рудокопы» («Песня шахтеров»). Раписарди известен и как лирический поэт и переводчик Катулла, Лукреция, Шелли. Предполагавшаяся «статья из Рима», посвященная памяти Раписарди, скончавшегося 12 января, в «Заветах» не появилась.

¹⁵ Николай Дмитриевич Авксентьев (1878—1943) — один из старейших членов и лидеров партии эсеров, с 1907 г. — член ЦК, затем один из организаторов группы

«Почин» (см. п. 1, прим. 1). В 1905 г. как представитель эсеров входил в Петербургский Совет рабочих депутатов, был сослан и через два года бежал за границу, где участвовал в заграничной организации партии. После Февральской революции Авксентьев вернулся в Россию, был председателем Исполнительного комитета Всероссийского Совета крестьянских депутатов, затем — министром внутренних дел в июльском кабинете Керенского, а позже — председателем Временного совета республики (предпарламента). После Октябрьской революции участвовал в антисоветских организациях и выступлениях, с конца 1918 г. — эмигрант. Упоминаемая Черновым статья Авксентьева о Толстом в «Заветах» не печаталась.

¹⁶ В кн. 1 и 2 «Заветов» (1912) была напечатана ст. В. В. Лункевича «Реформаторы и бунтары в современной биологии».

12. ГОРЬКИЙ — ЧЕРНОВУ

(Капри. Около 25 января 1912 г.)

Дорогой Виктор Михайлович —

рукопись послана¹, статью о самоубийцах² и письма³ не могу прислать: писать некогда и нет времени разобрать письма — тут работы на несколько дней, а ко мне приехали люди из Москвы и мешают.

Посылаю «Народную семью», посмотрите статью от редакции⁴. Журнал прошу возвратить мне поскорее. Прилагаю листок, вышедший на Урале⁵, мне пишут, что этой осенью он перепечатан и распространен широко без имен Трепова и Витте, имена эти заменены «более популярными», — а чьими именно — не указано.

М. М. Коцюбинский просит прислать ему перевод Волховского в рукописи, дабы он — К<оцюбинский> — проверил гуцульские слова⁶.

Он спрашивает: писали ли тем украинцам, адреса которых даны Миролюбову?⁷ Как назван журнал?⁸ Когда выйдут плакаты об издании? Не брали ли Вы книгу Разумника «О смысле жизни»⁹?

Мне ее нужно.

Всего доброго

А. Пешков

Датируется по сопоставлению с п. Миролюбову 24 или 25 января 1912 г., в котором поднимаются некоторые сходные вопросы (АГ).

¹ Рукопись повести «Три дня» была послана Миролюбову, заведовавшему литературным отделом «Заветов» (Г—Ив—Р, п. 2, прим. 3). См. также п. 13, прим. 4.

² Эпидемия самоубийств, разразившаяся в годы реакции, глубоко волновала Горького. Этой проблеме он посвятил ст. «О самоубийцах». В связи с разрывом с «Заветами» статья была напечатана в «Запросах жизни» (1912, № 27, 6/19 июля). В ней Горький подверг критике ответы Л. Андреева, М. Арцыбашева, А. Куприна, Ф. Сологуба, И. Репина, М. Кузмина на анкету «Биржевых ведомостей» об отношении к самоубийству. Этой же проблеме посвящена и большая часть ст. Горького «О современности» (Русское слово. 1912. № 51. 2/15 марта и № 52. 3/16 марта).

³ Имеются в виду письма, получаемые Горьким от разных лиц, которые Чернов хотел использовать в своей статье о духовном развитии современности. См. п. 8 и 11.

⁴ Очевидно, имеется в виду первый номер журнала «Народная семья», начавшего выходить в 1911 г.; он открывался редакционной статьей, в которой были сформулированы цели и задачи нового органа: «...будить народное самосознание, вызывать к жизни потенциальные силы народа [...] найти точки соприкосновения интеллигенции с народом, соединить эти два диаметрально противоположных мира».

Некоторое время спустя, сообщая В. И. Ленину о том, что «Чернов затеял журнал в Москве — большой ежемесячник» в противовес «Русской мысли», «которая становится все более определенно реакционной», Горький с возмущением отмечал псевдодемократизм таких журналов, как «Народная семья», «Живое слово», «Жизнь для всех», «Народная жизнь» и т. д., наносящих «вред делу»: «Все это издается „для демократии“ и при ее непосредственном участии, некоторые же издания ведутся ею самой и на ее средства».

«Все это — чистейший анархизм, демагогия, — писал Горький, — все пропитано злостью ко интеллигенту, к партии, дисциплине, и с этим надо упорно бороться. В скорости можно ожидать, что эти журнальчики начнут проповедь „национализма“, некоторые уже и теперь весьма близки к этому» (Ленин и Горький. С. 81—82).

⁵ Листок, вышедший на Урале, не разыскан.

⁶ Ответ на сообщение Чернова, что повесть Коцюбинского послана для перевода.

⁷ Во время приезда на Капри 5 января 1912 г. Чернов и Миролубов познакомились с Коцюбинским, который передал Миролубову список адресов своих соотечественников, по-видимому предлагая привлечь их к участию в новом журнале. Об этом, вероятно, писал Чернов Горькому около 20 января 1912 г. (см. п. 11).

⁸ Выражая недоумение по поводу плохой информации о ходе организации журнала, Горький в это же время писал Миролубову: «Вам бы (...) написать подробное письмо о том, что сделано и что делается, а то — ни я, ни Бунин, ни Коцюбинский ничего не понимаем. Журнал или сборник? Как назван журнал? Как составила редакция? Где? (...) Я прошу подробных сведений о журнале» (МИ. Т. III. С. 83). В письме без даты Миролубов писал Горькому: «Из Москвы прислали письмо, чтобы мы решали: Журнал или Сборник. Мы ответили: „Журнал“» (Там же. С. 84). Позже, по предложению Миролубова, журнал был назван «Заветы».

⁹ *Иванов-Разумник*. О смысле жизни: Ф. Сологуб, Л. Андреев, Л. Шестов. СПб., 1908. Эту же книгу Горький требовал и позже. В марте 1912 г. он писал Миролубову: «Пришлите же мне книги, взятые В(иктором) М(ихайловичем)! Надо же мне!» И в мае вновь: «Несмотря на неоднократные мои просьбы, Чернов не возвратил мне книги, взятые у меня. Это — странно. Мне особенно нужна книга Разумника „О смысле жизни“. Похлопочите. Столь курьезное отношение отбивает охоту давать книги» (ХХІХ, 230, 238). Книга с пометами Горького находится в ЛБГ (Описание).

13. ГОРЬКИЙ — ЧЕРНОВУ И МИРОЛЮБОВУ

(Капри. 26 января 1912 г.)

Виктор Михайлович, Виктор Сергеевич!

Посылаю вам копию письма Иванова и копию моего ответа ему¹.

Об участии Иванова в журнале вы сказали мне в последний приезд ваш на Капри² — вы должны были сделать это раньше, если уже летом списывались с ним по этому поводу.

Его роль в организации журнала для меня неожиданна; с его поведеньем я решительно не согласен, его слишком густое подчеркивание мысли о «потенциальном мещанстве социализма» мне кажется подозрительным, во всяком случае — оно несвоевременно и поэтому — бестактно, с точки зрения социально-педагогической.

Указание на то, что мысль «о потенциальном мещанстве социализма» уразумело только поколение русской интеллигенции ХХ-го века», — не вызывает у меня уважения к мудрости г. Иванова как историка общественных течений³.

От сотрудничества с ним — отказываюсь, рукопись мою прошу возвратить⁴.

А. Пешков

26/13-1
912

Черновой автограф письма и авторизованная машинопись, посланная В. С. Миролубову, хранятся в АГ; авторизованный машинописный экземпляр, посланный В. М. Чернову, — в ЦГАОР.

¹ Копии п. Иванова-Разумника Горькому от 20 января и Горького Иванову-Разумнику от 26 января. См.: Г—Ив-Р, п. 1 и 2. Получив первое п. Иванова-Разумника, Горький решил, что корреспондент его ведет речь о новом журнале («Заветы»), в организации которого принимал активное участие наряду с Черновым и Миролубовым.

² Т. е. 5—8 января 1912 г. (см. п. 10 и прим. к нему). Об этом же говорится в черновике ответного п. Миролубова Горькому от 28 января 1912 г.: «Разумника в редакцию мы не звали, а предложили ему сотрудничать и секретарство для сношения с писателями в Петербурге, о чем В. М. (Чернов) на Капри Вам говорил» (ИРЛИ, ф. 185, оп. 1, № 129).

³ Иванов-Разумник, полемизируя с марксистами, в частности с Г. В. Плехановым, писал: «Герцен был до того глубоко убежден в мещанстве как основе всего европейского уклада, что высказал еретическую мысль о том, что социализм, оставшись победителем на поле битвы, неизбежно сам вырождается в мещанство (...)» Эту мысль о потенциальном мещанстве социализма уразумело только поколение рус-

ской интеллигенции начала XX века, так что в этом случае Герцен на пятьдесят лет опередил свое время...» (История русской общественной мысли. СПб., (1908). Т. 1. С. 369; см. также: Литература и общественность. СПб.: Прометей, (1911). Т. 1. С. 123).

⁴ Горький имеет в виду рассказ «Три дня». В п. от 29 января 1912 г. из Специи (черновой вариант этого письма цитировался выше) Миролюбов просил Горького: «Так как журнал, о котором Вам пишет Разумник, Вы ошибочно приняли за наш журнал; — так как „организатором“ нашего журнала в России является не Разумник, как Вы предположили, а Ростовцев — лицо хорошо В. М. Чернову известное и с Разумником даже незнакомое; — так как, следовательно, пока все остается как было договорено на Капри; — так как письмо Ваше основано на недоразумении, — то разрешите Вашу рукопись послать в набор и ответьте мне телеграммой» (ИРЛИ, ф. 185, оп. 1, № 24).

30 января 1912 г. Горький телеграфировал о своем согласии печатать «Три дня» в «Заветах» (телеграмма не разыскана). О получении телеграммы Миролюбов сообщил в тот же день (АГ). Однако вскоре Горький изменил свое решение и потребовал вернуть ему рукопись. (Рассказ был напечатан: Вестник Европы. 1912, № 4, 5).

14. ЧЕРНОВ — ГОРЬКОМУ

(Фецдано. Около 28 января 1912 г.)

Многоуважаемый Алексей Максимович.

Из Вашего письма я узнал, что Иванов-Разумник затевает в России толстый журнал; что он хотел бы по этому поводу войти в переговоры с Вами, мною и Миролюбовым; что пишет лишь одному Вам, ибо только Ваш адрес ему известен.

Иванов-Разумник, со своей стороны, из Вашего письма узнает о том, что у нас начинается новый журнал, что первая книжка почти готова и что для нее отправлены уже в типографию рукописи Ваша и некоторых других близких Вам лиц.

Но, к сожалению, не только это пришлось мне узнать, а с горечью констатировать, что у Вас нет ко мне самого элементарного доверия. Несмотря на совершенно ясные наши разговоры с Вами и несмотря на столь же ясное содержание письма Иванова-Разумника, Вы предположили, что я и Миролюбов, находясь с лета в сношениях с И<вановым>-Р<азумником> и поручив именно ему на месте организацию нашего журнала, — скрывали это от Вас!..

Конечно, мое с Вами знакомство датирует с очень недавнего времени¹. Но, независимо от того, что я, как мне кажется, достаточно жил и работал в очень определенном смысле, исключающем возможность ожидать от меня *таких* поступков, — мне, кроме того, казалось, что в нашем с Вами, хотя и кратком, знакомстве было что-то — не стану определять этого «что-то», — не допускавшее и мысли о возможности между нами инцидентов, вроде того, которому живым свидетельством является Ваше письмо.

С глубокой горечью констатирую, что я ошибся, что это «что-то» жило только в моем воображении, что не нужно было даже малейшего реального повода для *мгновенного* крушения с Вашей стороны всякого ко мне доверия... И крушения настолько решительного, что Вы не нашли даже нужным проверить какие бы то ни было сомнения, попросить у меня каких-нибудь разъяснений — а прямо ответили категорическим «не желаю с Вами иметь никакого дела!» — и Раз<умнику> Иванову, и мне с Виктором Сергеевичем.

Итак, я напрасно думал, что Вы относитесь ко мне истинно хорошо, так, как отнесся я к Вам. А истинно хорошим я считаю только такое отношение, которое не рвется по всякому поводу или без повода, а способно, наоборот, выдерживать даже и некоторые испытания...

Мы говорили с Вами, действительно, лишь «предположительно» об участии И.-Р. в журнале. И естественно. Правда, летом Мир<олю-

бов» и я писали Разумнику Ив. (с которым ни я, ни он лично не знакомы), — но это было по делам «Современника» (как он сам, впрочем, Вам и пишет); ему даже была заказана статья о Добролюбове².

Никаких шагов к привлечению И.-Р. к новому журналу не делалось до переговоров с Вами.

Мой разговор с Вами об И.-Р. Вы, вероятно, помните. Я высказал, что «имманентный субъективизм» И.-Р.³ для меня является несколько сомнительным, что в формулировке его есть некоторые недоразумения и т. д. Но я полагал также, что здесь, вероятно, во многом возможен лишь спор о словах, и что, устроив личное свидание, можно будет «договориться». Теперь я могу прибавить, что еще более верно это в отношении вопрос(ов) «такта», которые, разумеется, играют огромную роль в таком вопросе, как «потенциальное мещанство социализма»⁴... после второго пришествия, когда он окончательно восторжествует и когда человечество, вечно идущее вперед, вырабатывает новые, еще высшие идеалы, и когда оно разглядит «и на солнце пятна», — на нашем солнце, социализме, ныне сияющем блеском, которого не выносят мещанские подслеповатые очи.

Мой разговор с Вами, повторяю, был определен. Предполагалось поручить Иван(ову)-Раз(умнику) взять в России обязанности секретаря и литературного представителя, ведущего сношения с авторами.

Только после того, как Вы не воспротивились этой комбинации, я написал И.-Р. письмо, которое и отправил из Неаполя, проездом из Капри в Fezzano. Там я спрашивал *принципиального* ответа И.-Р., считает ли он для себя приемлемым такое предложение, и в случае приемлемости предлагал личное свидание за границей, чтобы столкнуться. Как видите, образ действия достаточно осмотрительный.

Так обстояло до сих пор дело... Письма моего И.-Р., очевидно, не получил, и причина очень проста: я адресовал его, руководствуясь сообщенным мне кем-то адресом, в Крым, в Гурзуф. Из письма же его к Вам вижу, что И.-Р. в Царском Селе. Возможно, однако, что И.-Р. письмо мое еще получит, только с большим опозданием, пересланное уже из Гурзуфа⁵.

Как дальше со всем этим быть — признаюсь, не знаю. Каша заварилась на славу — теперь нужно расхлебывать.

Ваш Виктор Чернов

Датируется по сопоставлению с п. 13 и п. Миролюбова Горькому от 29 января 1912 г. См. п. 13, прим. 2 и 4.

¹ Можно предположить, что личное знакомство Горького с Черновым состоялось в апреле 1911 г. в Париже. См. п. 1.

² См.: Г—Ив-Р, п. 3, прим. 2 и 3.

³ См. вступ. ст. к переписке Горького с Ивановым-Разумником.

⁴ См. п. 13, прим. 3.

⁵ П. Чернова Иванову-Разумнику от 19 января 1912 г. Иванов-Разумник это письмо Чернова получил. О нем он писал Горькому из Царского Села 31 января 1912 г. См.: Г—Ив-Р, п. 3, прим. 3.

15. ГОРЬКИЙ — ЧЕРНОВУ

(Капри. 29 января 1912 г.)

Поставьте себя на мое место, Виктор Михайлович, и Вы поймете, что моя ошибка вполне естественна: ведь не часто случается так, что одни и те же лица, в одно время затевают два журнала! Причем факт, что Вы не знакомы с И(вановым)-Разумником лично и не состояли с ним в переписке, — мне неизвестен. Вполне естественно было предположить, что дело идет об одном и том же издании и что Вы в беседе со мною чего-то не договорили. Тон письма И(ванова)-Р(азумника) очень удивил меня своей категоричностью, но — сознаюсь —

я не обратил должного внимания на его заявление о том, что он не знает Ваших адресов.

Далее, я только что прочитал его книги¹: они мне показались многословными, но неясными, и многое в них — в прямом противоречии с общим характером Ваших мнений и намерений, как я их себе представляю.

Еще: вместе с письмом И.-Р. я получил другое, глубоко возмущившее меня своим содержанием, и — вместо того, чтобы сообщить письма Р^{азумника} Вам, а ему подождать отвечать, — ответил и ему.

Вы поднимаете вопрос об «элементарном доверии» и говорите о том, что хороший зародыш наших отношений существовал лишь в Вашем воображении.

Позвольте сказать Вам откровенно: меня столь часто и грубо эксплуатировали, что вообще некоторое недоверие к людям мне всегда свойственно, и я не считаю это моею виною, тем более, что оно меня не предохраняет от повторения того, что уже в достаточной степени и знакомо и противно мне.

В частности, по отношению к Вам я не заявил о недоверии, а — как уже сказано выше — ошибочно заподозрил Вас в том, что Вы скрыли от меня Вашу переписку с И.-Р., касавшуюся не «Соврем^{енника}», а нового журнала. Я искренно извиняюсь в ошибке этой перед Вами и В^{иктором} С^{ергеевичем}.

Затем нахожу нужным сказать, что данный случай, — чем бы он ни кончился, — не изменит моего к Вам уважения и больших надежд моих на Вас, как на человека, который вполне способен сделать много добра.

А индивидуализм И.-Р. замешан слишком круто, и я боюсь, что он способен внушить многим и многим подозрительное отношение к социалистическим симпатиям и настроениям автора.

Сейчас получил статью Волкова² — «того, который обругал Поссе подлецом», — если Вами не закончена статья о современном настроении демократии³ — телеграфируйте, вышлю.

Желаю всего хорошего.

А. Пешков

29 янв. н. с. 1912 г.

Капри

¹ Речь идет о кн. «История русской общественной мысли. Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX в.» и «Литература и общественность», присланных автором Горькому. См.: Г—Ив-Р, п. 1, прим. 1.

² См.: Г—СМ, п. 18, прим. 9.

³ О работе над статьей Чернов писал Горькому в п. 11. См. также п. 8 и 12, прим. 3.

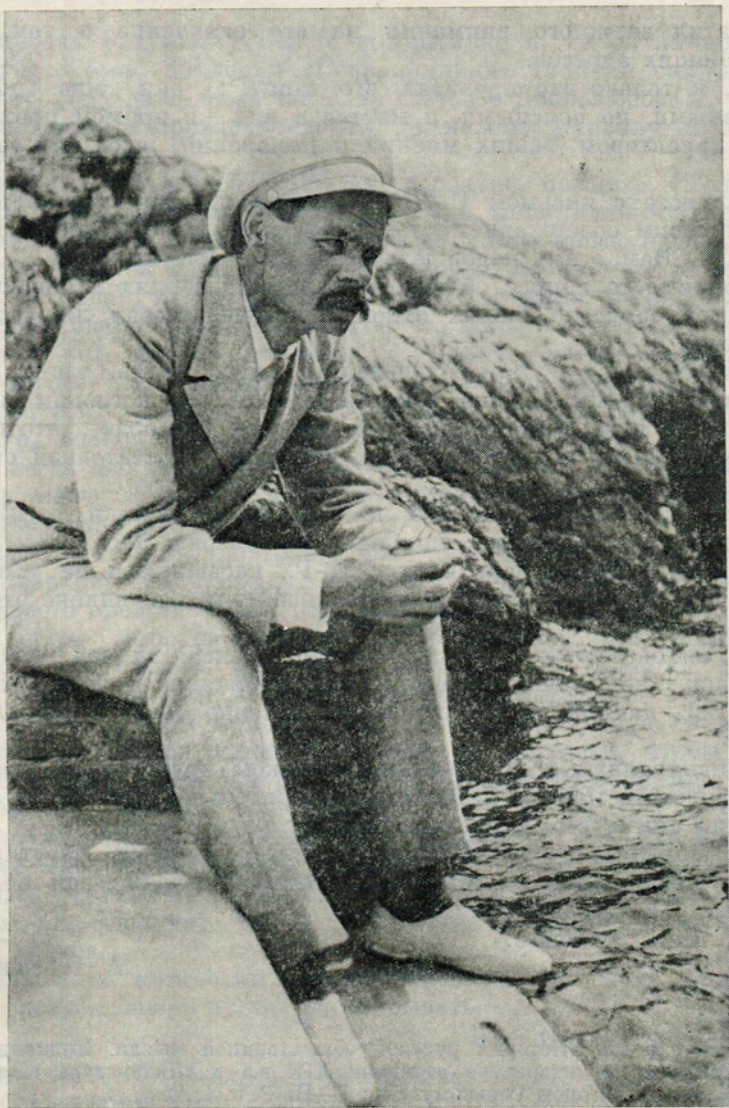
16. ГОРЬКИЙ — ЧЕРНОВУ

(Капри. 13 марта 1913 г.)

Мне показано, Виктор Михайлович, письмо из Петербурга, сообщющее Вам со слов Л. Андреева¹ мой отзыв о «Заветах» как «самом неприличном журнале, в котором всякое участие зазорно»².

Таких слов я Андрееву не говорил и не мог сказать, они оскорбили бы почтенных людей, которые принимают участие в «Заветах» и по отношению к которым я питаю чувство искреннего уважения³.

Мне нет нужды скрывать, что я отношусь ко многому в «Заветах» отрицательно — я не люблю Сологуба, мне противен Ремизов⁴, мне чужды литературные вкусы и суждения Разумника Васильевича⁵, есть еще многое, что кажется мне вредным для русского читателя, но за всем этим, повторяю, я не мог сказать нелепых слов, приписанных мне Леонидом Андреевым.

ГОРЬКИЙ НА БЕРЕГУ МОРЯ

Фотография Е. К. Малиновской. Капри, между 20 апреля и 3 июля 1913 г.

Музей Горького, Москва

Если верно, что он передал мой отзыв о «Заветах» в той форме, как сообщают это Вам,— очень жаль.

Но жаль — его, Андреева.

Капри
13 мар.— 28 фев.
1913 г.

Черновой автограф и второй экземпляр машинописи этого письма хранится в АГ; печатается по этой машинописи.

¹ Л. Андреев находился на Капри с 19 по 24 января 1913 г.

² Вероятно, речь идет о письме петербургского сотрудника «Заветов» С. П. Посникова Чернову от 19 февраля/4 марта 1913 г., в котором он писал: «Сейчас получил странную телеграмму от Вас: „Немедленно вышлите „Заветы“ Горькому“. Журнал ему своевременно, в день выхода, выслан. Кстати, передали его отзыв о „Заветах“. Л. Андреев был у него на святках и передал нам этот отзыв. Горь-

кий считает „Заветы“ самым неприличным журналом, в котором всякое участие зазорно. Остальных подробностей лучше не передавать. Но только обидно за В. С. (Миролюбова), если он ухаживает за ним по-прежнему». В конце письма постскриптум: «Горький у нас зачислен в годовые подписчики» (АГ).

³ И в период организации «Заветов», и после выхода первого номера журнала Горький неоднократно критически отзывался о его содержании и направленности (см. предисловие к настоящей переписке), но нигде так резко не говорил о «Заветах», как это, со ссылкой на Л. Андреева, передал Постников. Впрочем, сам Постников в своих мемуарах советских лет, вспоминая о том времени, когда Горький уже порвал с журналом, писал: «Но это не помешало Горькому послать нам свой привет с Л. Андреевым, который гостил у него на Капри. Л. Андреев приглашен был на редакционный ужин, который мы устраивали (...)» (АГ).

⁴ Ф. Сологуб и А. М. Ремизов (1877—1957) участвовали в «Заветах».

⁵ Иванов-Разумник.

17. ЧЕРНОВ — ГОРЬКОМУ

(Феццано. Март, после 13, 1913 г.)

Дорогой Алексей Максимович.

Очень рекомендую Вам подательницу этого письма, как потому, что это — человек совершенно особенный, редкой души, так и потому, что она располагает чрезвычайно интересными материалами: думается, что Вам и как человеку, и как беллетристу, и как политическому деятелю ознакомиться с ними было бы очень важно.

Товарищ Даша — военная работница¹, бывшая в Кронштадте перед самым восстанием и во время восстания². Я положительно почти не встречал человека такой кристальной душевной чистоты, соединенной с самой крайней скромностью, робостью, преуменьшенного о себе мнения и вечного недовольства собой, — это при чисто аскетической, подвижнической преданности делу. Впрочем, если Вы ее увидите, то, я думаю, лучше всякого другого сумеете схватить ее психологический образ и оценить ее. Теперь она, под неизгладимым влиянием поражения кронштадтской попытки восстания, вся ушла в одну мысль: как избежать на будущее время подобных неудач, как сделать, чтобы этот горький опыт не прошел даром и чтобы в будущем военная работа воскресла на базисе более рационального ведения дела и подготовленности ко всем его трудностям. В этой области у нее много всяких предположений и планов, но, в частности, она считает совершенно необходимым — более того, своим *долгом* — изобразить всю историю Кронштадтского восстания, ничего не замалчивая и не приукрашивая. Она, конечно, в литературном отношении — особенно в смысле стиля — человек совершенно неопытный; кроме того, она окупчила только первоначальный набросок, в котором изложение еще далеко не концентрировано, важные и менее важные части пока еще слишком идут друг с другом «вперемешку». Но, думается, уже сейчас в целом получилось нечто весьма ценное — и как «человеческий документ», и как документ по истории революции³. Дело в том, что она с необыкновенной добросовестностью проверяла и дополняла свои личные воспоминания всевозможными сведениями и сообщениями всех живых участников дела, судебных документов, газет того времени (в особенности специально военных) и т. д. На Капри она поехала тоже потому, что это дает ей возможность увидеть одного с.д., работавшего в то время в Кронштадте и бывшего *au courant* положения вещей в некоторых военных частях, ей менее известных, — а также и потому, что рассчитывает на кое-какую помощь хорошо знающего Кронштадт Затертого⁴.

Пишу обо всем этом на тот случай, если у Вас окажется время и охота ознакомиться с материалами Даши, — что касается ее, то она с величайшей охотой показывает их всем и даже сама читает вслух. Ей хочется иметь как можно больше критических замечаний и всякого

рода указаний по поводу ее рукописи — ибо есть шансы издать ее здесь, за границей... В противовес многому, что режет ухо в «Том, чего не было»⁵, ее рукопись поистине может быть названа необыкновенно правдивым рассказом о «Том, что было». И если ей удастся с литературной стороны обработать ее получше — а на это она готова положить все свои силы, сколько есть, — то будет, по-моему, необыкновенно полезная вещь.

Вот все основное, для чего я взялся за перо... Кстати, о Вашем последнем письме. Я получил его, и оно подтвердило мне то, что я думал: что Вы не могли говорить так, как передавались Ваши речи в Петербурге. К сожалению, в литературной среде слишком часто рождаются слухи, превращающие мух в слона; быть может — и даже всего вероятнее — и Л. Андреев говорил не так плохо, как его поняли... Вовсяком случае, очень хорошо, что я получил возможность написать в Петербург и устранить начавшее там создаваться крупное недоразумение. Впрочем, все это не так важно...

Из России идут известия недурные — кое-что может рассказать и тов. Даша, вместе с нами только что слышавшая рассказы одного приезжего оттуда, делавшего объезды многих городов и видевшего целый ряд партийных работников. Между прочим, там есть проект издания газеты. Так как Вы занимаете положение вне узких фракций, то, быть может, у Вас явится охота сказать о чем-нибудь свое слово? Газета будет выходить в России и распространяться немедленно — это не то, что заграничная пресса, еле-еле и со страшными опозданиями доползающая до местных людей...

Ну, пока всего лучшего. Крепко жму руку.

Ваш Виктор Чернов

Датируется по сопоставлению с п. 16.

¹ Речь идет о Юлии Михайловне *Зубелевич* — «Даше Кронштадтской». В докладе полковника Еремина «О террористических планах и вообще об отношении к террору различных заграничных групп и отдельных представителей партии с.р.» от 28 марта 1912 г. упоминается «Даша Кронштадтская», она же «Даша Военная», принимавшая участие в Кронштадтском восстании в 1906 г. «Существует предположение, что ею было совершено покушение на жизнь вологодского тюремного инспектора Ефимова в апреле 1911 г. Недавно она выехала... в Италию...» (*Агафонов*. С. 148).

² Первое революционное вооруженное восстание матросов Балтийского флота и солдат в Кронштадте произошло 26—28 октября 1905 г. Здесь имеется в виду второе вооруженное восстание в Кронштадте, произошедшее 19—20 июля 1906 г. Оно подготавливалось большевиками еще с весны, но стихийно начавшееся в эти дни Свеаборгское восстание солдат и матросов привело к преждевременному выступлению в Кронштадте. Восстание было подавлено, 1417 человек осуждено, из них 36 — казнено.

³ См.: *Зубелевич Ю.* Кронштадт: Воспоминания революционерки. 1906. Ч. 1—3. Кронштадт: изд-во Совета рабочих и солдат. депутатов, (б.г.). Отрывок под заглавием «Захват форта» напечатан в кн.: *Егоров И. В.* 1905. Восстания в Балтийском флоте в 1905—1906 гг. в Кронштадте, Свеаборге и на корабле «Память Азова»: Сб. статей, воспоминаний и документов. Л., 1926.

После Октября Ю. М. Зубелевич участвовала в антисоветском мятеже в Кронштадте (28 февр.—18 марта 1921 г.), подготовленном эсерами, анархистами, меньшевиками и белогвардейцами. Ее муж С. М. Петриченко возглавил Временный революционный комитет, являвшийся ширмой подлинных руководителей мятежа — контрреволюционеров, стремившихся «взорвать изнутри» Советскую власть. После ликвидации мятежа частями Красной Армии Зубелевич была арестована, в августе 1922 г. выслана в Среднюю Азию, в 1924 г. уехала за границу, где возобновила связи с Черновым.

⁴ *А. Затертый* — ранний псевдоним А. С. Новикова (Прибой). Новиков-Прибой в 1899—1906 гг. был матросом Балтийского флота, очевидцем событий Кронштадтского восстания, которым посвятил документальный рассказ «Казнь 19 кронштадтских матросов в 1906 г.» См. в кн.: *Егоров И. В.* 1905. Восстания в Балтийском флоте... (подпись: А. Затертый-Новиков); *Новикова-Прибой А. С.* Собр. соч. М., 1963. Т. 1. (под загл. «Бойня»); Красный флот. 1923. № 3.

⁵ «То, чего не было. (Три брата)» — роман В. Роншина (Б. В. Савинкова), печатавшийся в «Заветах». См. вступ. ст. к переписке.